АЛЕКСАНДР
МАТВЕЕВ

ПОКАТИЛИСЬ НЕБЫЛИЦЫ

притчи
плутни
басни
песни
частушки

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2012

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
М 33

М 33 **Александр Матвеев**
Покатились небылицы. Притчи, плутни, басни, песни, частушки. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2013. – 160 с.

ISBN 978-5-91366------

Художник Анна Запольская

Александр Матвеев – поэт и прозаик. Лауреат Международных фестивалей современной песни, Литературной премии им. Роберта Рождественского и др.

В жанре литературного лубка, популярном в прошлом, а ныне – малоизвестном, писатель выступает впервые.

Басни в прозе и в стихах, плутни, притчи, скоморошьи песни и частушки вводят читателя в мир живой народной мудрости, в неизвестную сферу бытования нашего современника. Образы и характеры персонажей роднит их жизнестойкость, против которой бессильны бесчестье, изворотливость, лесть или вечная корысть. В натуре бобра видятся человечьи качества, в разгульной жизни доброго молодца – миролюбие бобра. Жанр лубка – не нов, но для нашего времени требует художественных реконструкций, что с успехом удалось выполнить Александру Матвееву, обозначившему для себя новую творческую грань.

ISBN 978-5-91366------

© Матвеев А.И., 2013
© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2013

ВСЯКО БЫВАЕТ В ЦАРСТВЕ БОБРОВОМ...

притчи, плутни, басни

БОБРЫ-КУДЕСНИКИ

небылицы

Точат лясы на Привозе
И в стихах, и в жирной прозе...
Баба Фрося из Одессы

1. Экс-царь бобров

«Ура! Ура! – бобры кричат, –
Приехал царь наш – первый самый!».
Гремят фанфары, гвалт внучат,
В слезах ликующие дамы.
Растёт младое поколенье, –
Его, Царя бобров, творенье.

2. Предприимчивый

За деньги в омут с головой, –
Они любви ему дороже!
Он – не романтик, не герой,
Но, видно, стать героем сможет?
Нет! Ни за что и никогда!
Герой от Бахуса – беда.

3. Непотопляемый

При всех царях он был в фаворе,
Кто выше, тем мастак служить:
Найдёт три буквы на заборе
И дальше будет с ними жить,
И превратит всё в анекдот,
И дивиденды соберёт.

4. Рогатый

Не пьёт, не ест, худой, аж жуть,
Таковский наш бобёр-зануда!
Упрётся «рогом» – не свернуть,
Хоть вес его всего полпуда.

5. Любвеобильная

Бобриха хлопает хвостом
По тучной, но роскошной попе;
Увы, живёт с морским котом,
Дружа с Ванюшей синеоким.

6. Чужой бизнес

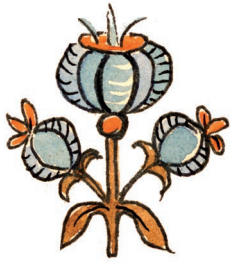
До самой ночи бобр в конторе –
Сидит, колдует, чертит, прячет.
Не знает дружбы он и ссоры
И, словно памятник сидячий,
Себя нисколько не жалеет, –
Чужой подспудно бизнес зреет.
Так, что ж? Он зря штаны протёр?
На что потратил жизнь бобёр?

7. Бобры любви незамутнённой

Бобёр с бобрихой – всем пример,
Любви простой, незамутнённой;
Читатель верь или не верь, –
Уж двести лет им – пням морёным.

8. Неунывающий

А я на проводе стою,
Над бездной жизни скоротечной;
Вам песню звонкую пою
О жизни странной и беспечной.
Я знаю, скоро ринусь вниз,
Где выше нас боброва жизнь.



ПРИШЛЫЙ БОБЁР

притча

Бобёр как бобёр. Не толстяк и не доходяга, не высок и не мал, не умный и не глупый. Что ему ум да разум, коли чешется за ухом так, что шерсть кудрявится? Кто и где видал кудрявого бобра? Правильно! Не встретишься с ним, в природе таких не бывает. А этот сам себе голова. Никто уже и не вспомнит, из каких краёв в нашем царстве объявился. И прозвали его соседи-бобры Пришлым. И – шустрым, поспевающим везде. То дома в своей запруде с утра ковыряется, то к вечеру, аж, за версту, в отдалённой заводи плещется. Невероятно, как поспевает? Брюхо словно днище лодчонки, а женился-то на местной бобрихе-красавице, из гладкошёрстных.

И вот однажды отправился Пришлый проведать своё запрудное царство – заводь за неблизким бугром, где родственники угнездились. Обратно вернулась наша бобриха раньше мужа в великом возбуждении.

– В том царстве все бобры кудрявые и брюхатые, – принялась жаловаться соседке-домоседке, ещё незамужней. – Оставил меня на бережку. Солнце за лес нырнуло, а моего-то нет и нет, хоть вой! Порядок такой

или беспорядок? Никто не подскажет. Валяешься как тряпка, тьма лезет в глаза, но его всё нет и нет!

– И что – канул камнем на дно?

– Пришёл! Приплыл! Вижу сперва – морда как будто не моего зверя. А передние лапы вывернуты колесом. Задние – короткие и кривые, а над ними брюхо, страх берёт, что за брюхо! Клыки как ножички! Хвать меня за ногу. Ох-хо-хо! Что с дружочком? С какого боку не подкачу – всё молчок, будто воды в рот набрал.

– Да не тяни ты, Бобровна! Досказывай!

– Да что тут досказывать! В том царстве бобры – дикие, бобрих, случается, до смерти загрызают. К столу не зовут ни своих, ни пришлых.

– Но твой-то – кудрявый?!

К заводи крался хорёк. Зверь ещё тот! Всех похваливает. А тут выдал себя.

– И добрый, – вырвалось из его лужёного горла.

Но бобрих на мякине не проведёшь, не испугались хищника.

– Ага, добрый! Брысь отсюда! – шлёпнула хвостом жена Пришлого.

Хорёк окаменел, привстав на задние лапки.

– А что те бобры едят?

– Стыдно признаться, они едят жареные утиные яйца и вареную картошку – «бульбу» по-ихнему. Наверное, потому они своих бобрих держат в чёрном теле? Мех облезлый, в глазах – слёзы солёные.

– И ты, Бобровна, с ними бульбу ела? – дивилась любопытная себе на уме: «Может, наговаривает Бобровна? Что-то возле неё наши бобры-парубки стали кучковаться?»

Бобровна поведала такое, что и пером стыдно описать.

Будто бы на зелёном бережку видала она своего муженька в застолье кудрявых бобров. Вокруг пня рассевшись, потчуют Пришлого закуской из зелёных корочек-деликатесов. На первое – огромная кастрюля с бульбой, на второе – большая сковорода с яичницей. У них порядок такой: сядут в кружок и по очереди берут кусок за кусочком с каждого блюда. Где это видано?! А наш-то, Пришлый, будто бы позабыл обычай. Подвинул к себе сковородку с яичницей и давай быстро, как угорелый, хапать жаркое, бормоча: «Крышку ищу, крышку». «Так бобры яешню не едят! Трошки съел и – посиди, отдыхай! Потом ещё трошечки съел и ещё посиди, пока другие едят, – поучал Пришлого старший брат. – Приличие надо иметь!». Но у Пришлого, как женился, зашёл ум за разум, если на столе «яешня», он пьянеет: шлёп-шлёп, хоп-хоп и поминай яичницу.

Вот и на сей раз он ответствовал озадаченным бобрам: «А-а-а, задумался! И не заметил, как съел почти всё до крошки. Видать, лапы слишком загребущие или кудри спадают на глаза?»

Прознал бобровый царь о случае в застолье и приказал доставить Пришлого к себе. И учинил царь ему с пристрастиями допрос.

«Не было такого! Я не ем яйца! Ни утиные, ни совиные, никакие не ем! Неправда это! Наговор! Я же из-за бугра, из другого царства», – оправдываясь, расшумелся Пришлый.

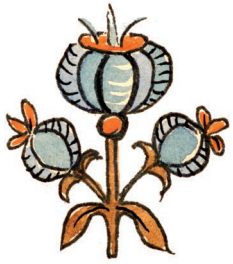
Царь не поверил и приказал провести очную ставку с Бобровной. Но Бобровна, не будь дурой, мужа не подвела и сказала царю, что за трапезой не была, и уставов чужого царства не нюхала. Так себе лежала недалече как рыба на берегу.

В другом разе истинная правда вскрылась. Шум и гвалт был страшенный. Утки возмущённо кряка-

ли, гуси шипели: вот, мол, кто наши гнёзда разоряет! Даже хорёк вонючий и тот скривил морду брезгливо и отодвинулся от Пришлого.

Прогнал бобровый царь Пришлого туда, откуда он приплыл. А Бобровну наградил за приличье: кушать не просила, мужа не выдала, царя не ругала. Хорошая бобриха!

Мораль? Попал в чужое царство, так живи по его законам. Хотя эта истина и до нас давно была известна. Но нашим бобрам не повредит напомнить о ней лишний раз. Ходят слухи, что там, за бугром, они, бывает, ведут себя довольно неприлично и приносят своему царству непоправимый урон.



КРОКОДИЛОВА ФЕРМА

басня

Беда пришла однажды в мир бобровый, –
Явился некто и построил дом дубовый.

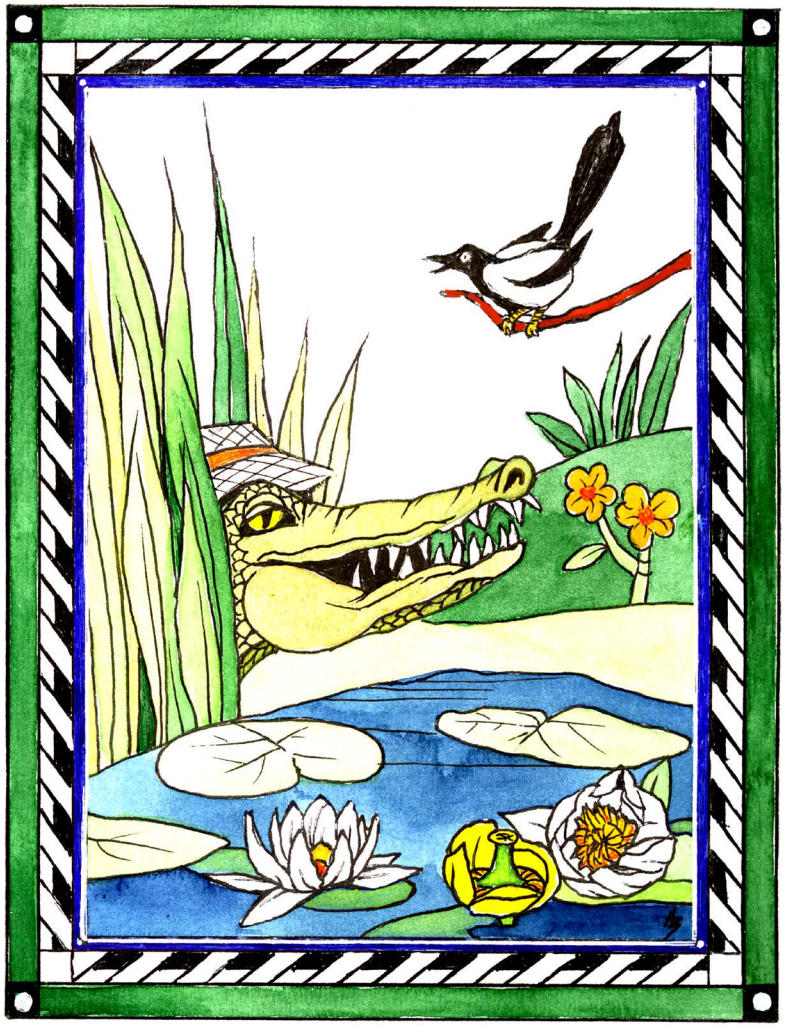
– Разбой! Грабёж! – вскричал
скромнейший Бобр, –
Кто тучным домом солнце нам затмил?
Кто здесь вольер воздвиг как гроб?
В сей заводи ещё мой прадед жил!

И вдруг из пней пред ним – явленье хари,
Не видел Бобр досель ужасней твари.

– Здесь всё моё! Я воздух здесь купил!
И этот вид, и этот бор!
Я – олигарх мясной! Я – крокодил!
Хозяин я! А ты – дурак и сор!

– Рассудят нас зима, мороз и вьюга, –
Пролепетал наш скромный Бобр в испуге.

– Я вашу зиму просто проглочу!
Всесилен я! Подумаешь, зима!



Я буду жить здесь так, как я хочу!
Ещё построю злачные дома!

Достойный Бобр смиренно удалился,
И дома тихо в уголочке помолился.

Дошли слова молитвы до Небес, –
Пришла зима. И ладит с нею Бобр.
Блаженствует покрытый снегом лес,
Покоится во льдах, к природе кто не добр.

Да будь ты олигарх иль трижды крокодил,
Вовек тебе не изменить бобровый мир.

ГОД СВИНЬИ

басня

Свинью лелеяли, ласкали,
Поскольку выпал год Свиньи,
Любые шалости прощали, –
Купали в неге и любви.
Чесали розовое брюшко,
Давали ей морковный сок,
Духами смазывали ушки
И целовали в пятачок.
Что толку быть свинье – судьёю?
Она, простите, зажралась:
Заматерела, стала злою,
Приобрела свинячью власть.
Воротит прочь свиное рыло,
Гордыней тешится своей;
Заплыли глазки толстым жиром,
Людей считает за свиней.
Но год Свиньи ушёл, растаял,
Её прогнали люди прочь,
Но не вернуть былого рая,–
Свинячья жизнь и день, и ночь.

И мой сосед почти свинья,
И вряд ли Бог ему судья?!

БОБЁР ВЕЗДЕ БОБЁР

плутни

В глухих тамбовских лесах, где вдоль рек до сих пор ещё бродит непуганое зверьё, в тихой заводи родился такой доверчивый бобёр, что смышлёные бобры прозвали его Недотёпой. Он рос в глуши провинциальной беззаботно, не зная коварства и жестокосердия. Волки и рыси обходили эти места стороной. Может, потому, что речка Клюковка протекала среди болотистой местности. А зачем волку нос в болото совать, если ему живности для пропитания хватает в удобных охотничьих угодьях? Царство бобров процветало, хозяйство множилось. Но молодая поросль бобров тяготилась тишиной и стремилась перебраться туда, куда речка уносит воды, откуда солнце всходит по утрам, золотясь в вершинах осин.

Бобёр был не в меру доверчив и мечтателен. Настал год Обезьяны – пусть! Что не скажи ему – всему верит. Скажи, что звезда упала с неба в реку и утонула, непременно станет нырять и спасать её отражение. Бывало, по ночам уставится наивными глазками в небо и сидит часами, мечтая, пока другие бобры втихомолку разделывают осину и обсуждают, чем опасен год Обезьяны?

– Сынок, что ты в небе ищешь? – спросил сына однажды отец.

– Большую Медведицу ищу. Сорока говорит, что она в небе обитает. Я очень хочу её увидеть, а её всё нет и нет!

– Ай-я-яй! – покачал головой отец.

Откуда Недотёпе знать, что мир прекрасен и ужасен, в нём есть добро и зло, любовь и ненависть, простота и хитрость, дружба и предательство, щедрость и жадность, правда и ложь? Долго ли, скоро ли, но, уйдя из родительской хатки, стал молодой отпрыск постигать жизнь здешних зверей, и поверил слухам о сказочном крае на востоке. Там, на широких просторах, жизнь, говорили, строится на добрососедстве разных зверей. Лунные фазы или, возможно, огромный Тихий океан оказывают влияние? Разгуляется ветер на морских просторах и свирепствует, а, столкнувшись с преградой земной, ломает на своём пути и деревья, и жилища зверей. А порой пригонит высокую волну, которая забирается далеко на берег. Страшная волна «цунами» образуется, когда в немыслимых глубинах что-то трясётся, просыпается, шевелится. Наводнения, пожары, сотрясения природы закаляют зверей, делая их более сговорчивыми. Какой смысл отпускать далеко от дома молодого бобра?! Обязательно попадёт в переделки, и не только шубы своей, но и жизни может лишиться!

Все дороги лежат через столицу царства. И вот Недотёпа добрался до главного у бобров места. Пока, разинув рот, слушал на вокзале объявление по радио «Граждане бобры, не оставляйте свои вещи без присмотра! Не доверяйтесь незнакомцам», – весь его немудрёный багаж увели. Но мало-помалу надо было обжиться в столице, чтоб ехать поскорей к океанским

кущам. На простые трюки жуликов и проходимцев попался раз, попался два, где же предел? Разве изучишь все их хитрые приёмы?

Идёт как-то Недотёпа по Рыжей площади. Свидание у него с бобрихой, волоокой и красивой. Солнце весеннее заливает Рыжую площадь теплом. Маковки Великих храмов золотятся в чистом небе. Красота! Только вороны портят картину, каркая неуёмно. Может, у них там, в небе свои гульбища происходят.

«Птицы встречаются, птицы влюбляются!», – подумал Недотёпа-бобёр. Засмотрелся на ворон в небе, и тут же ему в рот попал увесистый кусок вороньего помёта.

– Закрой рот, ворона! – гавкнул шустрый пёс, пробегавший мимо.

– Сам ворона! – неуклюже огрызнулся бобёр, но встретился со взглядом чёрных-пречёрных как смоль псиных глаз.

«Ого-го! – мелькнуло в голове у Недотёпы. – И такие водятся бобры!»

Подошёл поближе к крепостной стене и стал любоваться кирпичной кладкой.

«На века строили! – думалось. – Вот бы мне хатку такую искусную! А то сейчас варганят из бетона и обкладывают хрупким кирпичом! Разве будет такая лепня века стоять?».

Его размышления нарушил бобрище зелёного окраса. Подскочил этаким фертом:

– Уважаемый! Не соизволите ли интервью дать для телевизионного канала ТВЦ? На Рыжей стене установлены видеокамеры. Вы попадаете в вечернюю программу!

– Нет, нет! – замахал лапами доверчивый бобёр, предчувствуя подвох. – А в чём дело?

– Позвольте вручить вам наш подарок – электронные часы с кукушкой. Проводится акция канала: «ТВЦ и его самый преданный зритель».

Лучезарно улыбаясь, зелёный добряк вручил большую коробку.

– Считайте, что наше интервью с вами уже состоялось. Вы в программе. Только один вопрос: «Вы житель столицы?».

– Я здесь проездом.

– Как вы относитесь к перестройке плотины, которой увлечён наш уважаемый мэр Лужок?

Недотёпа приосанился и, тщательно подбирая слова, запел дифирамбы, чувствуя ответственность перед телекамерой. Может, сам мэр услышит его? Отец, мама и все знакомые увидят его по телевизору. «Надо будет всех обзвонить и предупредить», – думал бобёр, удовлетворённо улыбаясь.

– Спасибо за обстоятельный ответ! У вас есть супруга? Вот подарок для супруги – усовершенствованный фен, который не только сушит шерсть, но и придает ей блеск. А дети есть? Сын. Сколько лет? Двенадцать! Отлично! Компьютерная игра для сына – достойный подарок канала ТВЦ.

Обвешанный заграничными коробками с побрякушками, Недотёпа растерялся от внезапно свалившейся удачи.

– У меня ещё и сестрёнка есть. Ритой зовут. На флейте играет. Она тоже столицу любит.

– Замечательно! Для сестры мы передадим набор французской косметики. Только что оператор сообщил в наушники, что вы – юбиляр! Вы – первый тысячный зритель канала ТВЦ, у которого мы берём интервью под крепостной стеной. Вам полагается семейный набор подарков.

– Спасибо! – смущенно бормотал Недотёпа.

– Да, кстати, знаете ли вы, что мэр проводит акцию помощи детским домам? Как вы относитесь к этому?

Как можно относиться к помощи бобрятам-сиротам? И доверчивый Бобёр сказал в камеру, что такое благородное дело он поддерживает и надеется, что оно найдёт понимание у гостей столицы.

– А сами вы не могли бы пожертвовать сиротам какую-то сумму прямо перед телекамерой? – серьёзно спросил зелёный бобёр.

Недотёпа засуетился, лихорадочно думая, какую сумму не стыдно пожертвовать на виду у всей столицы, и вручил добряку три тысячи рублей, сумму для бобровой заводи в лесу – фантастическую, что и во сне не приснится. Распалившись под апрельскими лучами, он таял на камнях Рыжей площади, пока не отдал на благотворительность всю свою наличность, с какой пустился на Восточный океан.

На прощанье зелёный добряк позволил ему помахать лапой в неразличимую камеру.

Рыже-красная стена ещё сильнее рыжела и краснела прямо на глазах как в цирке из-под флера волшебника.

Навстречу по брусчатке бежала бобриха-молодка в шикарных сапогах под цвет... стены, успевшей превратиться в оранжевую. Денег не было. Одни коробки с подарками да стена с камерой! Гулять не на что. Хорошо, что бобриха решила – коробки с хламом для неё. Недотёпа пожелал прослыть джентльменом, не рискуя одарить красотку ширпотребом из Китая. Ей он подарит весь Дальний Восток с Тихим океаном, а коробки для детского дома, для бобряток, долг обязывает.

«О, судьба жены человеческой! – обрадовалась красотка. – Наконец я позабуду про дерматиновые сапоги-ботфорты на когтистых лапах!»

Что поделаешь? Кто недотёпа, на того и все шишки валятся, достаются задарма, хоть выноси их на торжище. Не дождалась выхода в океанские заводи столичная штучка-красотка, не захотела дожидаться, пока жених выклянчит у родного отца рублики. Увы, дорога на Восток оказалась лишь той длины, на какую хватило родительского рубля. Потакать сыну отец не стал – когтем указал, куда продвинуться. Оказалось – на Запад, где у вольных бобров заведён Оперный театр. Этакая запруда с декором на берегу, вроде, шарманки, только с места её не сдвинешь.

Недотёпа прибыл в расположение Оперного театра. Из окна сверкающего белизной «Мерседеса» к нему обратился бобёр. Итальянская внешность? Что от него ждать?

– Сеньор! – позвали Недотёпу из белого лимузина по-итальянски. – Грацие! Браво! Брависсимо!

– Я не понимаю! – сказал Недотёпа.

Он отвечал по-английски, чтоб поскорее отвязаться, однако Итальянец улыбался и быстро тараторил на смеси английского и немецкого языка. С трудом, но понял наш бобёр, что перед ним агент Дома Моды Версаче, жизнерадостный после показа новых моделей одежды для венских небожителей и теперь возвращающийся в Италию.

– Чем я могу вам помочь? – удивился Недотёпа. – Я – из русского леса бобёр. Здесь в командировке.

– О, руссо! Мой фрау есть рашен! Тоже бобёр! Джульетта Шевченко! Здравствуйте! Как дела? Я мало-мало говорить как в лесу.

Затем агент, ни на минуту не умолкая, вручил молодому босяку из заповедной глубинки куртку с распродажи мирового бренда. Версаче!

– Презент! Презент!

– Почему – мне? – дивился бобёр.

– Вы есть элегант! Я хочу, чтоб вы носить модель Версаче.

Недотёпа почувствовал гордость:

«Не зря йогой занимаюсь! Даже итальянский бобёр обратил внимание на мою стройность», – подумал он. А вслух сказал:

– Спасибо! Это для меня большая честь! Такой подарок от Дома Моды Версаче. Вот моя визитка! Чем я вам могу помочь?

– О, нет! Ничего не надо! Я уезжаю в Рим. Вчера после выставки немного гулять в курортном Бадене. Всё прогулять! Девочки! Понимай?

Эх, ты, Недотёпа, зачем с пониманием заулыбался, выказывая мужскую солидарность, мол, с кем не бывает?!

В ответ бобёр-Итальянец всплеснул лапами и предложил в подарок ещё две куртки. Очень дорогие по три тысячи евро каждая, но, поскольку они уже списаны фирмой, то ему нет смысла их везти назад в Италию, где совсем не приветствуют любителей гаремов. Как откажешь? У тебя, не то что гарема, последнюю бобриху отняла судьба. И лапы-то заняты зонтом с саквояжем. Да и неловко получать такие дорогостоящие вещи! Но вдруг он представил себе, как мама-бобриха в заснеженной заводи подивится нарядам от Дома Версаче, как она станет обнимать и благодарить любимого сына.

Вот и Итальянец лучезарно улыбается! Завёл «Мерседес», ведь пора уезжать. И вдруг машина внезапно заглохла. Ещё раз завёл её, и вновь заглохла. Чудеса или?.. Следовал поток громких слов с воздеванием рук к Небесам:

– Мама мия! Я есть болван!

Агент Версаче стал тыкать пальцем в стрелку топлива на панели.

Там был нуль. Нет, всё же – чудеса!

Бобёр понял, что, отправляясь к любимой в Баден-Вена, гуляка забыл заправиться бензином.

Бобёр-Недотёпа по-приятельски предложил новоявленному другу сто евро на бензин. В ответ – поток высокоценных благодарностей – все по-итальянски. Но затем морда Итальянца опечалилась: хватит ли ему этой суммы, чтоб хотя бы до итальянской границы добраться? Доверчивый бобёр опять достал кошелёк и отстегнул на бензин, затем на макароны, чтоб пообедать в пути, потом на чай и в итоге пятьсот евро перекочевали в карман шакала от Версаче, всё-таки в конце-концов обернувшегося приятным человеком. Ведь как улыбчива его мордаха! Главное – приятна, ибо прикрылся ею человек, какой в бобровом царстве-государстве на ночной дороге вряд ли повстречается. Его «Мерседес» неведомым образом завёлся без заправки и весело покатил по сверкающей огнями оперной улице, словно опустился занавес классической оперы «Сила судьбы».

Высунувшись в окно, Итальянец кричал насмешливо на всю улицу:

– Чао! Браво! Брависсимо! До встречи, идиот!

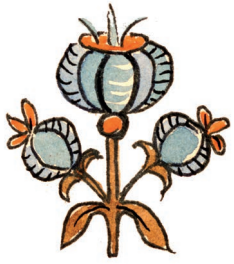
Но наш бобёр последнего слова не расслышал.

Постояв в недоумении какое-то время, он поплыл в приречную гостиницу. В номере развернул пакеты и осмотрел куртки. Резко пахнуло химией с хлоркой для людских унитазов. Модели от Дома Моды Версаче оказались китайским примитивом не дороже по десять-двадцать евро за штукенцию.

«Нет такого доброго дела, чтоб оно не осталось безнаказанным», – грустно рассудил Недотёпа. Пересчи-

тав грошики судьбы и отцовской науки, он позвонил портье и заказал такси в Баден-Вену, должно быть искать разбойника с большой дороги. Куда там?!

С тех пор никто бобра не видел. Может, он затерялся среди игровых аппаратов? А может, выиграв большую сумму, разбогател и раскатывает по Вене на белоснежном Мерседесе и предлагает заезжим бобрам куртки от Дома Моды Версаче в китайском исполнении или ещё какой-нибудь всемирно известной фирмы и жалуется, что бензин на нуле?



ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

притча

Душа болит и в сердце стужа, –
Как относиться мне к друзьям?
В беде я им порой не нужен,
Но вечно нужен я врагам.

Пускай враги таятся рядом,
При них я в форме, жив, здоров;
Мои враги – мои награды,
И мне не скучно средь врагов.

Без сожаленья я прощаю
Врагов жестоких, грубых, злых;
Но как друзей простить, не знаю,
Когда внезапно бьют под дых?!

Я каюсь пред тобою, Боже,
Враги порой друзей дороже.

ВЕЖЛИВЫЙ БОБЁР

притча

Жил-был Бобёр. Ни богато, ни бедно. Будто не умней других, а что не дурак – тут и говорить не надо. И вообще, достоинств у него было много и всяких разных, но особенно славился он вежливостью.

Заходя в домик, первым делом постучит в дверь. Да не так громко, как иные бобры стучат, что вздрогнешь, и страшные мысли в голове плясать начнут: кто да что, да зачем? Робко стучит, тихо, аккуратно, что птичку не вспугнёт. Дверь не толкнёт, а откроет осторожненько и ровно настолько, чтобы голова сперва пролезла. Просунет голову в щель, улыбнётся и голоском лесной свиристели пропоёт:

«Извините, пожалуйста, здравствуйте, уважаемый... позвольте войти?»

И разговор поведёт, сладкими словами соря, усыпляя слух нежданными «извините», «если Вы позволите», «посмею Вас потревожить». И бобры заслушиваются! И многие его соседи, засмущавшись, неожиданно для себя становятся ласково-услужливыми: спохватывается, бывало, острозубая выдра и чуть ли не в объятия принимает вежливого бобра, сама потом удивляясь себе.

Наш герой ещё раз наведается, и опять выдра рада беспричинно незваному гостю.

Правда, есть в природных заповедниках такие персонажи, которых наш вежливый Бобёр понять не может. Ну, как тут быть, если грубиян глаза закатит, фырчит, не слушает других и всё своё прёт:

– Заходи! Какого чертополоха в дверях толчёшься?!

Вежливый Бобёр своей мордахи не теряет, против грубости – молчок, мол, что с подержанной выхухоли взять?

– Извините, беспокоить вас не хотел...

Потопчется-потопчется и восвояси удалится. Но как произнесёт слова! Чуть ли не в подобострастном тоне! Так порой доймёт, что станет стыдно деловой выхухоли, и она отмахнётся лапой: «Да пропади ты пропадом, – подумает, – заходи в кладовую, забирай припасы на зиму. Только избавь, прилипала!».

Грубые, конечно, у нас звери, и непросто жить с ними вежливому Бобру. Вот, недавно было с ним приключение. Застал он в пойменной запруде бобрового царя. Без стражников, наложниц, прямо в чём мать родила. Случай так случай! Ликовать или спасаться бегством? Бобёр и усом не повёл. Начал разговор в обычной манере, расшаркиваясь, раскланиваясь:

– Извините, пожалуйста, Ваше достоинство, не возражаете, если я тоже рядом прилягу?

Закончить вежливый Бобёр не успел. Бобрового царя, словно шилом кто в ляжку ткнул. Он вздрогнул, рявкнув что-то о пользе шила, и – домой, в свою царскую вылетел, будто на неведомых крыльях. А вежливый Бобёр обмер от испуга и вслед:

– До свиданья... Извините... До свиданьица!

Оглядываясь, вконец раздосадован, он долго озирался на огрызки стволов по берегам, на камыши, окайм-

ляющие воду. Как быть? Подумал, подумал и пошёл на поклон к царю, просить... И поскольку царь тоже зверь, только большой, а большие звери отходчивы, то встретил он вежливого Бобра совсем радушно. При стечении дворни и приживалок его лапищи поднялись вверх:

– Заходи, Вежливый ты наш, погляди, как неуютно во дворце. Да и царство наполняют воры и приживалы. Чего тебе? Молоденьких осинок? Ещё не выросли для тебя, дорогой ты наш.

– Э-э-э, – замычал Бобёр.

Царь прервал его:

– Направляю тебя... Знаешь, куда? Не догадываешься? На переговорный процесс с царством выдр и выхухолей! А? Пробуди у них совесть. Вчера моего охранника разорвали, не успел спрятаться во дворце. Вежливость, считаю, страшней дураков.

– Да я со всей нашей благодарностью к вам. Молиться буду за ваше драгоценное здоровье...

– Ну, ты уж чересчур. Прекрати.

Помолчав немного, царь произнёс отеческим тоном, обращаясь к своей челяди:

– Видали героя? Если не съедят – возвратится с медалью на шее. Если съедят посланника – приснится с петлёй на шее. Согласен, сокровище ты наше?

Вежливый бобёр побледнел подобно осеннему лесу в предчувствии снегопада, но от избытка благодарственных чувств обмяк как тряпица. Штаны набухли от воды, льющейся совсем не с вежливого языка. А откуда? Вспомнить никак не смог.

Бобровый царь хлопал в лапы. Придворные плескались от радости в своё удовольствие.

Стража сопроводила вежливого Бобра к запруде выхухолей.

ХОЛОПЫ

притчи

* * *

Вовек холоп не станет господином,
Конечно, злато может он иметь;
Но никогда не выровняет спину,
Не сделает его ровней и смерть.

Но в рассужденьях прав я лишь отчасти, –
Холоп втройне холоп, когда при власти.

* * *

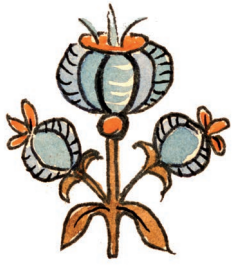
В душе холопской нет высоких идеалов,
Ей даже нравится низкопоклонства ноша;
Мне унижать холопа вовсе не пристало
И камень свой я никогда в него не брошу.

Но благолепия в холопе не приемлю, –
В святых рядятся очень часто лицемеры;
Пред сильным расшибёт холоп свой лоб о землю,
Пред слабым власть проявится без всякой меры.

И у тебя, презренно-мелочный холоп,
В руках секира, но в кровоподтёках лоб.

* * *

Невольник может быть душой
свободней всех свободных,
Холопы есть среди господ высоко благородных.



ЦАРЬ-САТРАП И ГЕНЕРАЛ БОБ

притча

Однажды деловой Бобёр из придворных затесался в директоры конторы. А её капитал – от хитрых барсуков. Это вам не фунт изюма! Надежды у барсуков на бобров были куда как серьёзные. А надежды бобров на новые хатки по передовой барсучьей технологии и подавно сравнить не с чем. Заделавшись главным, Бобёр пораскинул карты, проверил квадраты бизнес-болота и поведал:

– Будем жить, бобры, по-барсучьи. В хатках из кирпича. Станем управлять бизнесом, а на грязную работу наймём других зверей, дешёвых и смирных; кирпич, раствор или лопату в руки и – вперёд!

В бобровом царстве «Бо-Ба» с ударением на «а» воодушевился звериный народец. Бобра стали звать Генерал Боб. Генерал так генерал, подобострастие разве возбраняется?

Перво-наперво, Генерал Боб навестил барсучье царство. Лично. Банкеты, приёмы, банки, счета, – день бежал за ночью, ночь – за днём, бежали-бежали и канули за горизонт. Недра и другие богатства бобрового царства оказались в распоряжении Генерала Боба. А! Вот то-то. Бобров много, от них не убудет, если кака-

я-нибудь фитюлька приглянется Генералу Бобу. Верно ведь? Фитюлька – это лучший в бобровом царстве парк универсальных аппаратов, иных неслыханных и невиданных марок: одни ныряют до дна речушки, другие летают, а третьи скачут, как в аттракционе на турецком тёплом берегу.

Генерал Боб приноровился выезжать с красивыми бобрихами-молодками в заморские страны. К морской воде пристрастился, неприятной на вкус, но очень полезной. От южного солнца морда его покраснела и облезла, шерстка выгорела – на чучело стал похож, но перемен не замечал. Долго, скоро ли, а Генерал Боб поменял жену свою, дородную бобриху-квашню, на стройную резвушку, отвалив отставнице кое-что из дармовых богатств, прошёл слух, три «мерса», хату с сауной и ковчегом, и ещё какие-то мелочи, блестящие и ценные.

От разных иноземных вкусностей генеральский живот стал жирком заплывать. Противоядие? Куча диетологов тут как тут. Говорят, что советчиком по линии питания стал лесной секач с клыком, без разбору всё подряд пожирающий.

А что же хитрые барсуки? Они в накладе не оказались. Бизнес-то, как ни странно, пошёл. В бобровом царстве появилось много денежных бобров. Спрос вырос на готовые хатки в престижной заводи, подальше от Генерала Боба. Барсуки обеспечивают стройматериалами, да какими! По незнаемой цене. А Генералу Бобу процент отчисляют. Как в детской загадке: «Туда-сюда, тебе хорошо и мне хорошо. Что это будет?». У детей – качели. А для барсуков это – денежки, или «бабло» на их деловом языке. Генерал Боб складывает «бабло» на вкусненький счёт. Во как! А вы думали! Для барсуков строились хатки с видом на голубой залив и

не одна-две. Кто сумеет сосчитать, сколько? Да кто даст считать?

Помочь-то помог Генерал Боб барсукам скупить всю контору на корню. Была контора боброво-барсучьей, стала на все сто процентов просто сучьей. «Банк не банк, а фонтан, – хохочет герой. – Бобрам не входить!». Что такого – ему-то тоже перепало два процента. Немного-немало, а всё-таки кое-что! От речки да за бугор, где ему и море синее, и яхта белая, и девочки с раскосыми глазами... Эхма! Завидки взяли многих бобров!

Но солнышко красное катится, катится по небу ясному, а к концу дня всё равно в море утонет или за горизонтом пропадёт. Даже на самой ровной дорожке трещины появляются от скоростных автомобилей. А со временем они расширяются вдоль и поперёк, вырастая в ямы, бугры и провалы. Что наша жизнь?! А короткая жизнь бобра-строителя, тем паче. Вслед за дорогами стали рассыпаться хатки прямо-таки на глазах.

И вот в один, наполненный солнечным светом и радостью день пришли к офису «Бо-Ба» мрачные бобры и стали рыть. Вроде и не свиньи по происхождению, а не хуже свиней роют. Рыли-рыли да и нарыли такое, от чего у Генерала Боба шерсть дыбом поднялась, и стал он похож непонятно на кого: то ли на секача с клыками, то ли на дикобраза? Глаза пучил, пасть кривил, но не тут то было; захватили его под лапы служивые бобры и утащили в темницу.

Уж как лили слёзы по нему приморские певуньи!

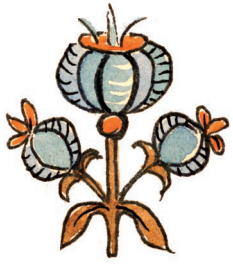
Мой дядя был делягою отменным,
Как говорится, в шоколаде жил,
Но в жизнь пришли большие перемены,
Его судьбу нечистый погубил.

А всё потому, что царь Иван Иванович очнулся от спячки. Нрав имел добрый и немножко весёлый. Все, кто имел доступ к его телу, любили царя: и бобры, и барсуки, и всякое другое зверьё разномастное. Доступен батюшка царь для ближних бобров был, ох, как доступен! Ну, а дальние-то на что? Генералу Бобу всё на руку. Если каждому по копеечке дашь, то миллиарды как в прорву уйдут и следа не оставят. А вот, если миллиарды копеечек на десяток-другой близких и преданных бобров разделить, то у каждого из них счастья и благополучия заметно прибавится. Но на сей раз Генерал Боб вместе со свитой и разными чесателями пяток оказался под колпаком. А что же хитрые барсуки? А ничего. Кто вернулся в барсучье царство и живёт-поживает припеваючи. А кто изловчился и с новой жизнью свыкся, таская из бобрового царства всякое добро, что, где попало лежит.

Иду я как-то по весне вдоль речных запруд. Смотрю – дружная семья бобров хатку посреди реки сооружает. Кто деревья валит, кто их разделывает, а кто стволы да ветки на дамбу тащит. И среди них кого я увидел?! Генерала Боба? Он! Наш незабвенный. Стройный и мускулистый. Шерстка блестит на солнышке, и капли воды с неё как со стекла скатываются. Справным, как прежде, Бобёр стал. Целый день на свежем воздухе и в своей стихии, где водичка пресная, еда полезная и зелень свежая – привычная. От них шерсть не прохудится! Шкура дублёной как у побитого пса не станет, прости Господи.

В родной темнице всегда светлее, чем в чужой горнице. При свете хотя бы глаз не испортишь, сочиняя прошения на имя царя о милости; целая когорта бобров-борзописцев строчит о праведных путях Генерала Боба, проложенных на сине море. И всё – славим тебя, батюшка царь наш! Славим твои чресла и персты! Твое дело шуметь, а наше дело пути-выходы искать. И стало прибавляться генералов-бобров, как блох в немытой голове батюшки-царя или из грим-уборной услужливых и верноподданных, учёных-переучёных, в пудрах и кремах перепудрённых его сановников-барсуков. Этих блох ни один бухгалтер голыми лапами не ухватит, о бобрах и говорить не приходится. Какого им рожна до барсуков? Царь-то не совсем сатрап какой-нибудь, ему ничего барсучье не чуждо.

Чего на свете не бывает: даже бобры могут выродиться и превратиться в барсуков, а барсук барсуку хвост не откусит.



ДОБРОДЕТЕЛЬ

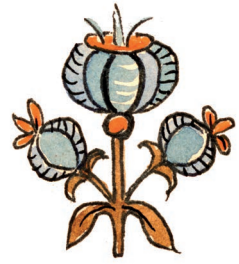
притча

Я был, друзья, тому свидетель
Как погибала добродетель,
Как мучилась в дородном теле,
А нервы были на пределе.
Она мучений не стерпела
И прочь от тела улетела;
А человек и не заметил,
Что улетела добродетель.
Он пил, он ел и веселился,
Как будто чёрт в него вселился.
Душа страдала, стала чёрной
От жизни подлой и тлетворной;
И на лице всё отразилось,
Такое даже вам не снилось:
Лицо подобно страшной маске,
Его иметь бы для острастки
Всех, кто не ценит добродетель.
Я ненавижу разных сплетен,
Но, говорят, что будто дьявол,
Лицо героя взяв, подправил.

* * *

Был человек – нет человека,
Без добродетели – калека,
Средь нас живёт и тенью бродит,
Тоску и страх на всех наводит.

В трубе ночами воет ветер,
Бездомна нынче добродетель.



ПОТЕШНАЯ ОХОТА

плутни

Есть многое на свете, друг Гораций,
что не снилось нашим мудрецам.
У. Шекспир

Лес – дремучий, глухомань. Речушка Клюковка, извиваясь, подмывает берег; осины, лесины клонятся к воде, пока не рухнут в неё, бобрам на радость. А возле бобровой запруды – тихое озерцо с распластанными облаками, деревьями – вершинками вниз. Поутру, при зорьке, осветляется водная гладь, наполняется лучезарным поднебесьем, оно струится в глуби озерца миражом бобрового царства.

В запруде вынырнул бобёр, и поэтическая душа его пропела:

«Хо-ро-шо!»

«За-ме-ча-тель-но», – отзывался многоголосьем птичий щебет.

Много бобровых царств, много и охотников пошить себе шубу из меха хвостатых. Не приведи Господь нам жить среди лучших из них! Угодишь в охотничьи лапы. Кое-кто почитает себя гением, а он, бобёр, живёт простой, как предки жили. И всё равно – интриги вокруг,

и зависть жгучая и несправедливость гнезда вьют. Судьба такая выпала! Эх, если бы переродиться в кого-нибудь? Хоть в пень. Но чтоб судьба на сей раз не обделила абсолютным слухом, певческим голосом, да и благородства в обличье добавила бы?! А сейчас чем обладаешь? Неприлично длинными ногами-лапами. «Покоя хочу!», – наизусть зубрил свою судьбу бобёр, но – увы! – нет покоя ни тут, ни где-либо в бобровом потустороннем царстве. Глухомань. Иногда буреломом дыбится с бестолковщиной поваленных елей, обезумевшими берегами речушек, порушенностью и тоской в бобровых душах. «Стану меньше, чем нуль?», – размышлял о непереносимой участи бобёр. Соседи прозвали его Добриным.

Бобры эти – не простые, стихотворцы они, племя непредсказуемое, неуправляемое и со своими царями в голове, словно заморскими тараканами. Творчество, скажу я вам, грань сумасшествия. Посудите: делились бобры-стихотворцы по разным группкам: тут и цех поэтов, тут и союз поэтесс, то ещё какой-нибудь организм. Как у всякого союза, у поэтического всегда – амбиции, скандалы, склоки и различные баталии о том и о сём. В союзе обязаны быть авторитеты, объединённые в академии. Академий развелось, что лягушек в захирелом пруду. Соберутся три-пять бобров, назовут своё сборище академией. Сами себе званий надают, других бобров призовут и с этим живут, тешась, как дети несмышлёные. Так образовалась академия поэтов. В ней – самые-самые! Среди самых-самых есть свои величины, почётные и сверх почётные, профессоры и генералы поэтизации бобрового царства. Ша! Не будем трогать обвешанных с ног до головы медалями да грамотами признанных гениев. Почти каждый бобёр числит себя гением, но не каждый сумел получить верительную грамоту. Без грамоты ты – бледная тень с царского солнцепёка.

На всякого поэтического бобра – своя управа с оскаленной волчьей пастью критика, готового разорвать в клочья поэта и сожрать без приправы перед аплодирующей публикой. Не всякому по зубам генерал-академик бобровой поэзии! Подавится серый! Подавится задубелой кожей, шерстью и костями патриарха! Был такой худосочный волк, вздумавший кинуться на авторитета. И где теперь Худосочный? А нигде. Выперли его из лесу. Власть царя бобров сильнее волчьей хватки будет. А другой бобр обернулся бараном и пытался увести бобров из поэтической запруды в горы. Да куда там! Не подняться барану на Эверест, и, главное, не увести бобров от их речек и запруд. Баран бараном, но понял, что с бобрами ему не по пути, и счастлив теперь баран в отаре среди тихих и смирных овечек.

Не легко выживать в поэзии интеллигентным бобрам. На всякого Добрина в любом царстве есть свой Недобрин.

У запруды влез на пенёчек молодящийся, без завидной прыти бобёр. Патриарх Недобрин! Царь над дюжиной запруд? До смертной жути надоели ошивающиеся рядом бобры, словно дятлы долбящие бетонную стену поэзии; стекаются они к нему, семеня на задних лапках, в передних несут осиновые корки – прошлогодние, к слову заметить. Несут словно воду в ладошках, боясь не донести, расплескать на пороге Его Величества.

Дабы не тревожить имя Добрина в час покойного утра, пока он принюхивается к дремотному аромату клейковины почек и щурится под лучами солнышка,

обратимся к Его Величеству Недобрину. Словно чуя грядущий ход событий, из-под коряг вынырнуло запыхавшееся чудище-бобрина из окольных весей.

– Ваше Величество, а, Ваше Величество! Не изволите проснуться?! – воззвал он.

– Ась! Кто это тут? Я никогда не сплю! Уроды! Как вы мне надоели! Чего тебе?

– А у меня грандиозное предложение!

– Глазам своим не верю... Это – ты, Большеголовый?! Как посмел? Я удалил тебя. Навсегда удалил из своих владений!

– Любовь мою к вам удалить невозможно, – подобострастно раскланялся Большеголовый.

– Ладно, говори, зачем и почему?

И Большеголовый нагнулся и стал нашептывать нечто на ушко Недобрину.

– А что, неплохо! Не зря большую голову носишь! Устроить охоту, переодевшись в волчьи шкуры! Ха-ха-ха! Хватит доить спонсоров, сами с усами – разбойнички! Иди к Тишайшему... Он у меня мастак по части организаторской работы.

– Да я... Я и сам.

– Сам – не надо! Иди, сказано тебе. Тишайший – исполнитель! Иди! И вызови ко мне Амбала.

А он тут как тут уже! Вперевалку подкатился: Амбал – зверь непомерной величины и неповоротлив, как чучело.

– Вызывали, Ваше Величество?

– Есть тебе, парниша, особое поручение. Принёс тут этот большеголовый урод неплохую идею. Дурак, но на идеи богат. Предлагает переодеться в волчьи шкуры и устроить охоту. А что? Неплохо!

– И погрызём некоторых никчемных, взаправду погрызём?

– Как можно?! Не ожидал такого от тебя, Амбал? Твоя задача проследить, чтоб наши бобры, будучи в волчьих шкурах, не загрызли насмерть кого-нибудь из своих же! Какая тогда потешная охота?!

– Из своих?

– Ты, Амбальчик, за Тишайшим бобриком присмотри. Ни морды, ни шерсти у него, ничего кроме живота нет, а резвый какой! Только дай команду – потом не разберёшься в его фантазиях.

Идее Большеголового был дан ход; закрутилась машина и поехала по кочкам и рытвинам, поплыла по водной глади озерца, взбаламутив чистую водицу. Взмах лапы Недобрина, и – всё тут, историю не остановить.

Назавтра ряженых в волчьи шкуры собрали на хурал для инструктажа. Дичь есть дичь! Добрины на солнце бока прогревают. Потешная охота – для высокоумных Величеств, кто лучший, с талантами – ого-го! Вот и увидим, кто есть кто в этом болоте. Кто среди бобров – Пушкин, а кто – просто губошлёп. А то некая бобриха заявила во всеуслышанье: «Кое-кто любит Пушкина, а моего Губошлёпа обожают все!». Сравнила кое-что кое с кем! От её слов солнце со стыда запряталось, чтоб не видеть и не слышать непотребное.

В волчьи шкуры, однако, рядились как на праздник. Самые-самые, надёжней не бывает, попали в команду. Это Большеголовый – надёжный? Полная безнадёга: коварный, оттого умеючи голову носит на сгорбленных плечах.

Нарядили Большеголового и определили ряженого волка в шумовые, чтоб, значит, шум создавать, непуганых Добриных пугать. Тишайший – бобёр из преданных и послушных. Он никогда, слышите, никогда, не противоречит Его Величеству. Приятнейший бобёр, почти с академическим умом. Бывало, рассерчает Не-

добрин, шуганёт Тишайшего, а тот улыбнётся и отойдет в сторонку, а спустя время опять тихонько подкрадывается к нему. Вряд ли разносы Его Величества слаще песнопения ангелов. Если зажмуриться, Тишайшему они кажутся медовыми пряниками, сладкими, словно царствие небесное. Щуплый бобёр получил в своё распоряжение волчью шкуру. От волчонка-недобитка досталась. Зато размером – тютелька в тютельку, в самый раз. Щуплый шустрячок, всегда к услугам. О Вислощёком нечего сказать: царит в нём бесталанное осиновое существо! Зато надёжно.

«Вот бы из соседских речных пойм заарканить ещё кое-кого? – при виде воинства размечталось Недобрину. – Но прямые тропы – сухопутные, соседи мнят из себя особ многозначных и высоко поставленных. Пусть лучше в тридевятом царстве остаются, не то примкнут к тупым из туповатых моих бобриков. А ряженых волками, пожалуй, сам поведу!».

Независимый бобёр Добрин, как обычно, выбрался пораньше на бережок встречать рассвет. Вдруг ноздри осквернились незнакомым и тревожным запахом. Там, откуда первые лучи светили, огромная туча нависла над землёй. По вершинам деревьев порыв ветра пробежал, тревожа слух лесной глухомани.

– Не к добру ветер разбегался. Ой, не к добру, – молвил бобёр. – Да и солнцу ходу не дают тучи.

– Чужие в лесу, чужие, – прокричала пролетавшая над запрудой сорока.

Кто – чужие? А если волки?! Надо бы предупредить бобров, чтоб к запруде сбегались. Мимо прошмыгнул бобёр по прозвищу Ханурик. В каждой дырочке затычка, плут из плутов.

– Постой, Ханурик, постой! Надо бобров предупредить!

– Я – на танцы! С утра мастер-класс даю.

И след Ханурика простыл. Неугомонный! То он – танцор, то поэт, то прозаик, то академик, то профессор, то полковник без погон. То девочек учит танцам, а вот теперь на мальчиков переключился. Всеядный! Что ему волки?

И тут прямо из чащи вывалилась волчица, вялая как палка. Где волчий оскал? Где её голодные с того лета волчата? Свои и приблудные? Волка ноги кормят, а у этой – бока тощие, будто содранные с павшей в бескормицу клячи; что есть духу Добрин пустился прочь.

– Спасайтесь, спасайтесь, волки в лесу! – орал с перепугу.

Волчья стая с бобровой походкой вразвалку вылезла из-под коряг недобринского бурелома.

– Кто орал? – спросил Его Величество.

Длиннолапый Добрин исчез быстрее ветра в осиновых кронах.

Потешная охота началась? Кому – потешная, кому – банкет, кому – страх. Вон Пуганый вздрагивает от каждого шороха. Треск веточки, кукованье кукушки, порыв ветра – всё его пугает.

«Не боец. С Пуганым охотиться не пойдёшь», – шепчет Тишайший Амбалу. И тут же вносит пометки в блокнот туда-сюда. Амбал только поспевает метаться: доносы, донесения и всё его Величеству со свитой.

А Щуплый-то, Щуплый с молодой бобрихой шествует через бурелом! Сам маленький, в волчьей шубёнке, а рядом с ним высокая подружка в пошитом из трухи платье. Может, изображает, что он – смелый волк, пленивший бобриху?

И Тишайший записывает в блокнот: «Веры Щуплому нет! За пять минут до охоты обуреваем страстью идиота».

Его Величество Недобрин подал знак, и волчья компания кинулась врассыпную. Разорение мелкотравчатых добриных началось, для каждого волка помечена своя хатка семейства добриных. Шум-гам, рев и вой, треск сухостоя слились в какофонии бедлама, словно буря гуляет в лесу.

Несмотря на панику, Добрин выбрался на берег полакомиться осиновой снедью. Как будто камень спрятал за пазухой такой, что бобрам неведомо какой. Сорока на хвосте принесла весточку о потешной охоте: «Стрекочу-стрекочу, всех бобров защекочу!». Дурой была – дурой осталась, ведь бобры в волчьих шкурах рыщут в поисках Добрина и его трёхлетнего выводка.

На берегу запруды стратег Большеголовый разнюхал след лесного интеллигента.

Довольно скоро вся волчья стая, запыхавшись, вывалилась на полянку. Раздались руководящие слова Недобрина:

– Придурки! Надо отличать добриных от ханурикoв.

И все стали кричать: «Долой Ханурика!»

Большеголовый цап-царап, схапал добычу в охапку и поволок на хурал, пред очи Его Величества, пришёптывая:

– Думать надо, господин Добрин, прежде, чем в омут бросаться! Я – потомок Пушкина, кренделем свернусь, а спасусь. Вот поклонюсь в лапки и опять спасусь! И опять, и опять! Недобрин, хоть и суров, а правильный и верный царь.

– Жлоб! – не выдержал интеллигент Добрин. – Тебе надо дать медаль Эйнштейна, ты – умнее всех бобров в царстве.

– Эйнштейна имею. За сто баксов прикупил. А ты – козёл!

– Я – бобёр!

Лес полнился песнями, хохотуньи из дальних запруд хохотали. Сороки в испуге стрекотали.

Вислощёкий похвалялся:

– Ромка Шлянгер приплёлся вслед за Большеголовым. Композитор из Заунывного царства. Пока мы рядились в волчьи шкуры, он написал на мои стихи два десятка песен. И сам моей жене поёт. А моя подружка в восторге, во как!

Его Величество рассудил:

– А вот место Шлянгера – на лесоповале. Амбалу поручаю вернуть его в Сибирь. А Вислощёкий пусть к нему в гости ездит. Будьте осторожны со всякими Шлянгерами. Да и с певицами тоже. Последние – бестии такие, что разденут до нитки. В Киеве под пение какой-то Непейводы крупный банк ограбили. Уроды! Мы – не они! Мы – волчатники, долой выпивоху Добрина! О, да вот он, не к добру помянут, поклонник Бахуса, язычник и жлоб.

– Он – друг Ромки Шлянгера! – крикнул Тишайший. – Я знаю!

Амбал поддержал:

– Как поэт бобрового царства – абсолютный ноль!

Что тут случилось, что началось?! Из-за кустов вылезла облезлая тощая волчица, за ней матёрый волк с выводком. «Волки!», – заверещал Пуганый. Поздно. Голодные серые кинулись, и давай рвать ряженых бобров. Вот тебе и помянули Шлянгера! Пуганого, да ещё какого-то безымянного простака задрали насмерть и с шерстью сожрали. Вислощёкого и Щуплого потрепали как надо, едва вырвались от клыкастых пастей. Тишайшей взлетел на высочайшую ель быстрее, чем нырнул бы в омут. Амбалу хвост откусили, истекает какой-то невиданной бурой кровью, которую ничем не остановить. Вот и верь после этого, что Недобрин – Его Ве-

личество? Хотя – как сказать?! Недобрина-то волки не тронули. И Почтенного не тронули. А смешливый Балагур вместе с Бывалым сами чуть волчицу не порвали в клочья, пока она набивала своё брюхо.

Эх, несладка жизнь, недобра борьба доброго с ещё лучшим или плохого с худшим. Это как вольготное лето и зимняя ворожба подо льдом, в сухом гнезде: непонятно, зачем живёшь и как живёшь?

Наступило очередное лето. Солнечные лучи проникают сквозь густую листву и падают на завороженный лик озерца. В его глубях – деревья верхушками вниз. Добрин обнюхивает воздух, наполненный утренней свежестью, и радостно ухмыляется жизни.

«Хо-ро-шо!», – поёт небо.

Нет рядом ни академиков бобровой словесности, ни потешных бобров. Есть поэзия жизни, вечная и неповторимая.

БЕЛАЯ ВОРОНА

басня

Ворона, видимо, сошла с ума,
Как говорится, съехала с катушек –
Вдруг вынесла в дождливый день она
Во двор бельё и дюжину подушек.

Зачем-то стала ванну принимать,
В холодной грязно-маслянистой луже.
Развешано и «сушится» бельё,
Подушки дождь бессмысленно утюжит.

Вокруг поднялся несусветный гвалт,
Хоть в этом не было, друзья, резона –
То вызов был, всему и вся протест,
Была Ворона – белою вороной.

Нам жизнь дала ещё один урок:
От глупого протеста – глупый прок.

О СОРОКАХ

притча

Красивая птица в лесу появилась
И всех восхитила длиннющим хвостом,
Бел-белы бока средь деревьев светились,
Но грянул вдруг в небе безоблачном гром.

«Воровка, воровка! – кричали пичуги, –
Гнездо разорила, птенцов унесла!»;
Мир птиц встрепенулся в холодном испуге, –
В лесу появилась посланница зла.

Красивая дама нас всех покорила
Нездешней и тонкой своей красотой.
Краса, как известно нам, страшная сила,
Но дама украла семейный покой.

«Мужья совратились, ругаются грубо!», –
Бурлит, негодуя, в расстройстве село;
Недоброе сердце и острые зубы, –
Красивость нередко несёт в себе зло.

Сорока-воровка – красивая птица,
Природа случайно её создала.
И дама такая, что в пору влюбиться,
Но горе приносит посланница зла.

* * *

В сорок не влюбляйтесь, не верьте сорокам,
Пусть притча простая вам будет уроком.

ОРЁЛ И ПЕТУХ

басня

Орёл в небесной вышине
Чуть зримой точкою парил.
Петух при солнце, при луне
Своей петушьей жизнью жил.

От скуки жизни, не со зла,
Прокукарекал вдруг о том,
Что он, Петух, сильней Орла,
Что разберётся он с Орлом.

Взлетел, куражась, на плетень
И что-то пел куриный друг...
Но промелькнул Орёл, как тень, –
И где теперь герой-Петух!?

Пусть сей урок пойдёт нам впрок,
Мир справедлив, но мир жесток.

СРУЛЬ И ЕГО НЕБЛАГОВИДНЫЕ ДЕЛА

притча

Всякие бобры живут на белом свете: добрины и недобрины, злые и весёлые, хитрозадые и простодушные, умные и не очень. И кудрявые бобры встречаются. Их шевелюра кудрявится от многодуманья. Причёсывают шерстку на затылке – она и кудрявится, хотя от чёса умнее не станешь. Бывают ряженые бобры, о чём читатель уже знает, но в бобровом царстве появились бобры-оборотни – коварное и опасное зверьё. Живёт-поживает такой бобрик, неотличим внешне от других бобров, а в душе у него другой зверь сидит – волчище с клочьями окровавленной пены из пасти. Вотрётся оборотень в доверие к какому-нибудь благочинному бобру, обцелует бобра и тот тоже постепенно превращается в оборотня, поклонившись поутру двенадцать раз восходящему Солнышку.

Своей жадностью оборотень способен разорить не только отдельное бобровое царство, но и весь бобровый мир. Ради осиновой корки он способен выдать волкам на съедение своих собратьев и детишек родных.

Жил-был бобёр как бобёр, но отличался странным именем. Сруль*. Всё – от родителей, нарёкших его при рождении редким именем далёких, но чужих предков. Сруль да Сруль, но не какой-нибудь маленький и захудалый, а довольно мордастый и пузатый. Не сразу он стал мордастым да пузатым, а постепенно, объедаясь всякой снедью, что попадалась; уже с детства прятал про запас самые вкусные осиновые корки и съедал втихомолку. А когда другие бобрята помогали родителям валить деревья на берегу реки, подгрызая стволы, то Сруль отлеживался где-нибудь в укромном местечке.

Взрослея, бобрик Сруль усвоил нехитрое правило: говоришь больше – работаешь меньше. Бобры – простодушный народ, верят говорливым, не замечая их дела. Постепенно бобрик Сруль превратился в матёрого Сруля и стал высоким начальником в бобровой заводи. Перво-наперво окружил себя смазливыми прихлебателями и прихлебательницами, покорными и ласковыми, хитрыми и ловкими. И пожаловал своей челяди хатки-дворцы, и позволил им властвовать над другими бобрами. Чем ещё заняться? Сруль завёл тайную дружбу с волками, выхухолями, выдрами и всякой нечистью, которая гнездилась в заплесневелом болотце, неподалёку. Вот что непонятно: почему болото с его нечистью стало наступать на бобровое царство? Одни говорили: с кем поведёшься, от того не сбережёшься, другие чесали затылки, однако шерсть не думала кудрявиться у них. А тут уже стало не до охраны заводи от соседей. Бобры стали пропадать: то волки нападут, то выхухоли подкараулят, то и черти в болото утащат. Хиреть стало бобровое царство. Царь – не слепой, не глухой, но не видел, не слышал ничего;

* Сруль – древнееврейское имя.

тогда быть посему: Сруль себя возомнил царём некоронованным.

Идёт как-то Сруль по тропинке вдоль чисто-чистой заводи, а навстречу катится Ёжик. Почуяв опасность, Ёжик наколол на иголки берёзовый лист, свернулся в клубочек и затих в траве. Но неуклюжий Сруль наступил на бедного Ёжика. Уколовшись, завизжал писклявым голосом:

– Кто посмел уколоть меня? Признавайся, иначе растопчу. Волкам на съеденье отдам! Выхухолей натравлю!

– Ваше высочество, господин Сруль! Ёжик я! Я под кустиком лежу и от страха весь дрожу.

Махнул Сруль лапой, Ёжика не стало – в воду улетел. Бедный зверёк! Если бы не старый и добрый дедушка Карась, утонув бы. Подпихнул его Карась лобастой головой, выталкивая к бережку. Испуганный Ёжик не сумел отблагодарить за помощь. Зато потом переселился со своей ежихой и двумя ежатами в яблоневый сад, росший под запрудой, стал трясти ветки деревьев, чтоб паучки и червячки падали на воду к удовольствию Карася.

С высокой осины всё видела Сорока, она полетела, стрекоча по всему лесу: «Бобр Сруль утопил Ежа!»

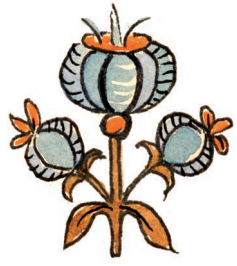
И дошёл слух до залитых воском ушей бобрового царя, главного хранителя старины, её нравов и географического ландшафта. А устав этого общества предписывает бобрам заботиться о всех животных и насекомых бобрового царства: о паучках и божьих коровках, о стрекозах и осах, о муравьях и разных козявках, не говоря уже о редких птицах стрехах и страшных тиграх... И назначил царь бобров строгое дознание. Вскрылись жестокие и подлые дела Сруля, и царь, не посрамив имени, вынес нестрогий вердикт: «Бобра Сруля от дел

государственных отстранить, а за службу прежнюю наградить чином болотного смотрителя». Кто их поймёт, этих царей, что у них на уме, за что одних жалуют, а других казнят?! Царь на то и царь, чтобы решать самочинно, как ему царством управлять. Возможно, царю не было больше надобности терпеть самозванство Сруля, а может, перешёл Сруль ту черту, за которой нет возврата назад... А зачем же награждать нерадивого и вора? Кто расскажет? Как не понять: именно в указе мудрость царя! И от оборотня избавился, и врага не нажил. А там, глядишь, и сам зарвавшийся Сруль провалится на радость бобров в болото.

Природа не терпит пустоты. Бобры принялись славить решение царя: Ах, как мудр, дальнозорок, прозрел на оба глаза! Пошли слухи, что царю надоели жизнерадостные песни и пляски придворных и глаза его опять закрылись, а уши залились воском.

От маленького и слабого Ёжика, от доброго Карася и всёвидящей Сороки бобровый мир узнал правду о бобре-оборотне по имени Сруль.

Но вот беда: боятся бобры, как бы царь действительно не смежил очи, ведь уши царей всегда в распоряжении придворных.



БОБРЫ-ДРУЖКИ НАРОДА

быль

Говорит бобёр-кандидат в депутаты:

Мы реформы обожаем,
Хоть не пашем, и не жнём,
Лучше всех – мы, краснобаи,
В Думу мы за вас пойдём.

Наша партия стремится
В барабаны бить и в медь;
Мы прикроем все больницы,
Вы не будете болеть.

Мы заставим государство
Наш простой народ любить;
Всем – убойное лекарство!
Всех бесплатно хоронить!

Кто наладит с заграницей
Полноправный диалог?
Бизнесменам – откупиться,
На крестьян – тройной налог!

На коне в Европу въедем,
Нам китайцы – не указ.
Наши бабы рвутся в леди,
Выбирайте только нас!

Говорит простой бобёр:

Сколько можно чушь морозить,
Лапти лыком подшивать?
Голой задницей елозить
По ежу, ядрена мать?!

Государство по привычке
Вы стремитесь обокрасть;
В каждой дырке вы – затычки,
За алтын украли власть.

Мы пока не вышли рылом
В золотой, калашный ряд;
В мире грязном и постылом
Светит нам ваш чёрный зад.

Надоели нам дебаты,
Надоела мишура;
Кандидаты, депутаты, –
В шею гнать воров пора!

Не кормите нас надеждой,
Не учите щи хлебать.
Научитесь сами прежде
Шкуры собственные драть.

ОТДЫХ БОБРА-КАНДИДАТА

После выборных дебатов
Он немножко приустал;
Нелегко быть депутатом,
Ох, и тяжек пьедестал.

Приказал накрыть «поляну»
И созвать свой ближний круг;
Был уже изрядно пьяным,
И болтал о тайном вслух.

Хряпнув рюмку под икорку,
Смачно крякнул кандидат,
Сдвинув хищно губы-створки,
Перешел на чистый мат.

Бабу ухватил за ляжку,
Словно вилкой подцепил.
На гулянку дал отмашку,
Никого не позабыв.

* * *

Помоги нам, боже правый, –
Время нынче стало злей;
На врагов нашли управу!
Как спастись нам от «друзей»?!

БОБРЫ-ЦАРЕДВОРЦЫ

небылицы

Неровен час, пир без причин,
Все царедворцы ждут разлуки;
Что зверь, то очень важный чин,
Из помеси интриг и скуки.

Вот озабоченный бобёр,
Крутой мобильник в цепких лапах,
В глазах тоска, в глазах укор,
Любви весенней помнит запах...
Но как тут жить бобру теперь?
Навек закроют к счастью дверь!

А рядом лапоньки скрестил
Бобёр известный - хитроглазый;
Он для себя давно решил
Смываться от запруд заразных.
«В счастливый час!», – поют куранты
На сдобной лапе коммерсанта.

Великой важности герой,
Ведь благосклонность много стоит.

Он сам не властен над собой,
Поскольку лапа лапу моет.

Бобриха пришлая молчит
Безвольны лапки, грустны глазки;
Зачем Невинность здесь стоит –
Иллюзия из ложной сказки?

Без шерсти череп у бобра,
За интерес бобёр радеет;
Хранитель денег и добра,
Ведь прибыль прятать он умеет
От острого, чужого глаза,
Коварным следуя приказам.

Зашёлся смехом Весельчак,
Не он – в безденежном капкане.
Не зацепить его никак.
Зверь – приведение в тумане;
Сегодня – здесь, а завтра – там, –
На зависть рекам и морям.

О чём бобёр Матёрый мыслит –
Лукавство светится в глазах?
Он всех бобрих в подружках числит,
И все подружки при деньгах.
Не зря бобр жизнь свою прожил,
Кому он должен, всем простил.

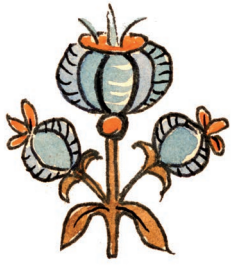
Сурово смотрит наш Молчун,
Все трепетать должны от взгляда?
А страха нет! Возьми колун,
И врежь тому... кому не надо!

Ты зря всю жизнь молчать старался,
Ну, до чего ты домолчался?

Испуган бобрик Молодой,
Фортуна повернулась задом.
А ведь ещё так много надо:
Осинку грызть, бобрих любить.
Не дрейфь! Тебе ведь жить и жить.

Цветущей жизнь бобров была, –
Весною пели соловьи,
Пилила рьяно лес пила
За дальним краешком земли.
Пила проделала работу,
Последний куст исчез нежданно.
Деревьев нет, одно болото
И мир какой-то стал обманный.
Но жизнь по-своему права,
Речушка Клюковка жива,

И свято место пусто не бывает –
Другие звери царство обживают.



СКАЗ О ДЕРЕВНЕ

Рано утром приоткрою,
На моём окошке ставень
И услышу как беседу
Сам ведёт с собою камень,
Что лежит под старым дубом
(Камень тоже очень древний).
Будет, может, вам не любым
Сказ о нынешней деревне.

Камень видел и запомнил,
Что давно уплыло в Лету.
И плывут незримо волны
Сквозь столетия к поэту:
На коне в атаку скачет
Прадед мой – солдат служивый.
В старой хате дева плачет:
«Жду с войны живым, мой милый».
Два вола бредут далече,
У сохи мой дед серьёзный.
Хоть скатился в поле вечер,
Добывает хлеб он слёзный.
Край родимый защищая,
Пал солдат на поле брани.
Что ж история простая –

Муж погиб у бабы Мани.
Полдеревни не дождалось
Мужиков с войны суровой.
Жизнь ушла и жизнь осталась, –
Ох, нелёгок хлеб их вдовий!
Трудно было, но с надеждой
Никогда не расставались.
Всё ушло, от жизни прежней,
Ничего-то не осталось.

По утрам росой живою
Плачет горько камень древний,
Сам беседуя с собою:
«Нет, не та сейчас деревня,
Нет веселья в жизни новой!
Что же с нами приключилось?
Где найти такое слово,
Чтоб надежда возродилась?».

Перепутал я, возможно,
Что поведал древний камень...
На душе моей тревожно, –
Закрываю с дрожью ставень.

ЛЮБОВЬ-ЗАРАЗА

Как хорошо мне было в детстве,
Пока не знал любви-заразы!
Страшнее нет на свете бедствий,
Чем пересуды и рассказы.

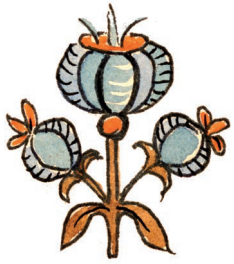
Отелло душит Дездемону,
Княжну бросает Разин в речку,
Трясёт английскую корону,
Рогатый муж стоит со свечкой

У благоверной, близ кровати...
Весь мир вокруг любви кружится,
Ну почему, с какой же стати,
Вдруг угораздило влюбиться?

Страдаю, мучаюсь, ревную, –
Любовь-зараза закрутила...
Скажи: напрасно всё, впустую, –
И разойдёмся до могилы.

Ах, помогите, помогите,
Верните мне ту дружбу детства...
А впрочем, нет уж, погодите, –
Мне никуда теперь не деться.

Ведь у любви четыре глаза,
И сердца два, а страсти – в кубе...
Как счастлив я, что есть зараза, (3 раза)
Неважно, любит иль не любит.



МОРЯК

И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил...
Из песни

В шумном городе Одесса
Он известен как повеса.

Даже Николаев тихий
Ловелас освоил лихо.

Долго помнили в Херсоне
Об амурном марафоне.

Не жалел он там зарплаты, –
На девчат Херсон богатый.

Ходит слух давно на флоте,
Что линчуют его в Поти,

Но считают его милым
Все южанки Измаила.

Он, окончив мореходку,
Направленье взял в Находку.

Плачут в Поти и в Одессе
О задиристом повесе.

А он моряк и в том не виноват,
Что любят девушки везде таких ребят!

ГУЛЯЙ, ОДЕССА!

С морей вернулся боцман Жорик,
Летает в воздухе фокстрот.
Гуляет наш одесский дворик,
Поёт рулады чёрный кот.

От счастья светится Дуняша,
Привёз ей Жора крепдешин...
Что было ваше, будет наше, –
Измерим всё на наш аршин.

Припев:
И пляшут рьяно даже раки,
«И льеться пыво чэрэз край»,
Что – не Одесса, нам до фени,
Гуляй, Одесса эх, гуляй!

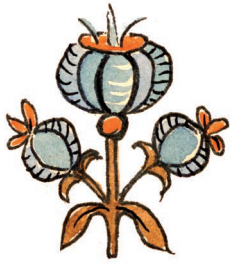
А над двором пестрятся стяги, –
На леске сушится бельё.
В Одессе бабушки – стиляги,
Такое здесь житьё-бытьё.

И всех моднее баба Фрося,
Ведь внук морской бывалый волк.
Старушка даже стринги носит
И знает бабка в стрингах толк.

Со всех дворов собрались гости,
У нас, в Одессе, вечно так:
За стол соседей добрых просим,
Когда с морей пришёл моряк.

У Жоры с Дуней вновь помолвка,
Фокстрот танцует даже кот.
Не удержать морского волка,
Гуляет свадьбу каждый год.

Припев:
И пляшут рьяно даже раки,
«И льеться пыво чэрэз край»,
Что – не Одесса, нам до фени,
Гуляй, Одесса эх, гуляй!



СВЕТА

веселая песенка

Одену новый я костюм,
Скрипучие штиблеты,
(2 раза) Без меры изведу «парфюм»
Перед приездом Светы.

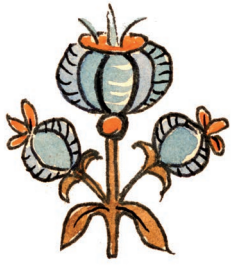
Припев: (2 раза)
Светка, Светка,
Далекая звезда,
Манящая Конфетка,
Когда ты скажешь «Да»?

«Парфюма» запах вышел,
И скрип штиблет пропал,
Когда меня услышишь?
Мой дом теперь вокзал!

Припев: (2 раза)
Светка, Светка,
Далекая звезда,
Манящая Конфетка,
Когда ты скажешь «Да»?

Костюм мой износился,
Штиблеты я стоптал,
В Светланку я влюбился,
Без Светки я пропал!

Припев: (2 раза)
Светка, Светка,
Далекая звезда,
Заветная Конфетка,
Вчера сказала «Да»!
(2 раза) Светка, Светка,
Далекая звезда.



ГАВАЙИ

Есть на свете вольный ветер,
Есть на свете чудеса,
Полечу до края света, –
Наготове паруса!

И теперь я точно знаю,
Где земной далекий рай.
Это – вечные Гавайи,
Веселись, душа, гуляй!

Ах, Гавайи, ах, Гавайи,
Там пьянеешь без гроша.
В тот земной кусочек рая
Рвётся буйная душа.

(2 раза) Ах, Гавайи, ах, Гавайи,
Там пьянеешь без гроша.

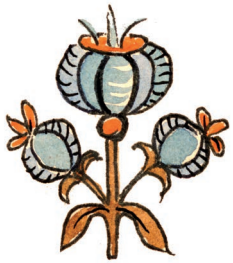
На Гавайях вечно лето,
Птиц поющих кутерьма;
Там красавицы раздеты,
Сводят бедрами с ума.

На Гавайях – сердце сказки,
Разойдись – гуляй, душа!
У красавиц чудо-глазки, –
Жизнь, как в сказке хороша!

Ах, Гавайи, ах, Гавайи,
Там пьянеешь без гроша.
В тот земной кусочек рая
Рвётся буйная душа.

(2 раза) Ах, Гавайи, ах, Гавайи,
Там пьянеешь без гроша.
В тот земной кусочек рая
Рвётся буйная душа.

(4 раза) Ах, Гавайи, ах, Гавайи,
Там пьянеешь без гроша.



ОДЕССКИЕ ЗАГУЛЫ

Две модные макаки, ярких, красно-рыжих,
По Дерибасовской гуляли.
В глазах, накрашенных, весёлых и бесстыжих,
Лихие чертики плясали.
Откуда здесь в Одессе нашей, супер-обезьяны? –
Мы с другом просто обалдели.
А баксы жгли, простите, жгли матросские карманы,
Мы их ещё потратить не успели.

Припев:
В Одессе бросим якоря,
Шторма забудем и моря,
Привет, одесские макаки!
Всегда теперь мы подшофе,
То в ресторане, то в кафе,
И с нами рыжие макаки.
А я люблю девчонок рыжих,
Свободных, лёгких и бесстыжих,
Люблю за их весёлый нрав,
Неважно, прав я иль не прав!
Две безмятежные недели
В угаре пьяном пролетели.
Устали от утехи плотской,
И пустота в карманах флотских.

В пустынном море греют нас одесские загулы,
Макаки снятся, крики их тревожат.
А за бортом плывут две ярко-рыжие акулы,
И корчат нагло обезьяньи рожи.
Насобираем вновь зелёных баксов с другом,
Ещё какой-нибудь валютной хрени!...
Из рейса в рейс жизнь наша катится по кругу,
Всё остальное морякам до фени.
Насобираем вновь зелёных баксов с другом,
В Одессе встретятся макаки.
Из рейса в рейс жизнь наша катится по кругу,
Всё остальное морякам до фени.

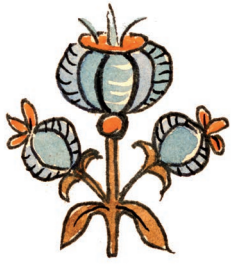
Припев:
В Одессе бросим якоря,
Шторма забудем и моря,
Привет, одесские макаки!
Всегда теперь мы подшофе,
То в ресторане, то в кафе,
И с нами рыжие макаки.
А я люблю девчонок рыжих,
Свободных, лёгких и бесстыжих,
Люблю за их весёлый нрав.
Неважно: прав я иль не прав!
Две безмятежные недели.
В угаре пьяном пролетели.
Устали от утехи плотской,
И пустота в карманах флотских. (2 раза)

ОДЕССКИЙ ПРИВОЗ

«Точат лясы на Привозе
И в стихах, и в жирной прозе...»
Мёд янтарный продают,
Слухи разные куют.
Водит красным глазом рыба,
Хоть с утра висит на дыбе;
Смальца белого горшок,
Лук зелёный и чеснок,
Варенец с густой сметаной,
Говорящие бараны
И частушек целый воз, –
Вот что значит наш Привоз!
Здесь свои есть катакомбы,
В них найдутся даже бомбы,
Бисер, шёлк и жемчуга
И заморские меха.
Здесь, друзья, я встретил кралю,
(Все в Одессе знают Галю) –
Кровь с горячим молоком,
Ну, да речь-то не о том...

Если ты не фраер жалкий,
Если вдруг имеешь мозг,
Не ходи, мой друг, к гадалке,
Дуй, товарищ, на Привоз!
Дуй, любезный, на Привоз!

Если ты не поц залётный,
Не больной, не жмурик потный,
Дуй, дружище, на Привоз!
Дуй скорее на Привоз!



КУРАЖ

Оля и Света – дева и небыль, –
Кто из них лучше? – мне не понять.
2 раза: Ноги от неба, плечи от неба,
Зубки сверкают, – что тут сказать!?

Ведьмы – не ведьмы? Или модели?
В мыслях коварных в пропасть лечу.
Пили – не пили, ели не ели, –
Что нам весёлым?! Всё по плечу.
2 раза: Ведьмы – не ведьмы? Или модели?
В мыслях коварных в пропасть лечу.

Землю шатаю, небо шатаю, –
В сердце бурлит кипящая кровь;
2 раза: Я отпадаю! Я улетаю!
Вот что такое страсть и любовь!

Света и Оля, Оля и Света, –
Ветер в карманах, в сердце кураж;
2 раза: Нет больше солнца, нет больше лета, –
Девы исчезли словно мираж.

Проигрыш.

2 раза: Нет больше солнца, нет больше лета, –
Девы исчезли словно мираж.

КРЕДО

Люблю я с детства самогонку,
А на закуску – сала шмат,
Краюху хлеба и цибулю...
Приемлю крепкий русский мат,
Готов подставить грудь под пули,
И в драку ринуться без слов,
По дурости на всё готов.

Поэты любят словоблудье,
Квадрат кто славит, кто овал,
А кто-то в зазеркальной мути
Увидеть жаждет сеновал.
Я ни квадратов, ни овалов
Не воспеваю, не люблю...
Но сон люблю на сеновале,
Неважно с кем и как я сплю...
Простите, «бабс» люблю безмерно,
Без «бабс» нельзя на свете жить.
Но тощих женщин и манерных
Не научился я любить.

А потому мой тост: «За женщин!
За тех, кто в теле и в соку!
И лучше – больше их, чем меньше,
Без них ведь плохо мужику!»

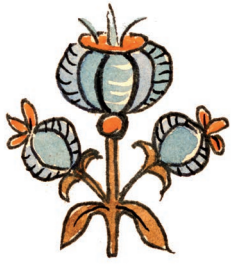
ФАИНА-БАНЩИЦА

На улице Канатной
Пропал я безвозвратно, –
Влюбился в девушку заоблачной мечты;
Любовь я встретил в бане,
Девчонку звали Фани,
Я растерялся от нездешней красоты.

Припев:
Вы знаете, какие у Фаины буфера?
Крупнее, чем херсонские арбузы.
С ума сойти, какие у Фаины номера:
Она в кино влюбилась в Тома Круза.
Фаина-банщица,
Любовь обманщица! –
Какой от Тома Круза вам в Одессе прок?
Фаина-банщица,
Любовь обманщица! –
Какой крутой у нашей банщицы парок!

Букет из розы розовой
И веничек берёзовый
Я нашей Фанечке в подарок поднесу;
А вдруг всё переменится,
И с Фаней мы поженимся,
А Тома Круза ждёт тамбовский волк в лесу.

Припев:
Вы знаете, какие у Фаины буфера?
Крупнее, чем херсонские арбузы.
С ума сойти, какие у Фаины номера:
Она в кино влюбилась в Тома Круза.
Фаина-банщица,
Любовь обманщица! –
Какой от Тома Круза вам в Одессе прок?
2 раза: Фаина-банщица,
Любовь обманщица! –
Какой крутой у нашей банщицы парок!



ЖИЗНЬ БЕЗ НЕРВОВ

Сижу я в студии модерной,
Собака лает, друг мой верный;
В навозе копошатся куры,
В окне судачат бабы-дуры,
Две одинокие соседки,
Две любопытные наседки.

Рокочет нежностью Синатра,
Танцуют куклы на Монмартре,
Поёт Пиаф, колдует Рознер,
Вещает что-то старец Познер,
Щелчок и – царствует Карузо,
А я всё жду явленья Музы.

В потёртом ватнике колдунья,
Стучится в дверь доярка Дуня,
Семнадцать лет всего бедовой,
Грудастой и ядрено-клёвой.
Пьём молочко мы с ней парное,
Исчез весь мир, мы только двое.

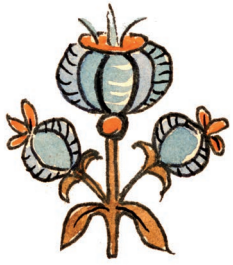
«Шерше ля фам!» и вся недолга,
Течёт куда-то речка Волга...

«Шерше ля фам», мой рыцарь Шершень*...»
И я дарю подружке перстень –
Из ярко-красно-жёлтой меди:
«Владейте мной, моя миледи!».

В деревне, в студии модерной,
Спасаюсь я от жизни нервной.
Навоз, собака, бабы, куры, –
В окне все прелести натуры...

Гитара, песни, прелесть-Дуня, –
Семнадцать лет моей колдунье.

«Шерше ля фам!» и вся недолга,
Течёт куда-то речка Волга...
«Шерше ля фам», мой рыцарь Шершень...»
И я дарю подружке перстень,
Из ярко-красно-жёлтой меди:
«Владейте мной, моя миледи!» (2 раза).



* Николай Шершень – композитор и певец.

ДУНЯ

Глазам не верю – ты ли Дуня?
Моя душа, моя колдунья!
На щёках блёклые румяна,
И вид затравленно-пугливый.
Выходишь ты из ресторана
Под взглядом публики глумливой.

Три года я тебя не видел,
Три года, словно три столетья...
Ты плачешь? Кто тебя обидел?
Одна судьба – три лихолетья.
Не любит город нас, не любит, –
То бьёт наотмашь, то голубит.

В душе измученной рубцы,
На сердце раны кровоточат.
По вечерам здесь мертвецы
Улыбкой лживой зубы точат.
Душа-Дуняша, брось столицу,
Здесь бесы крышами грохочут,
И подлость речкою змеится.

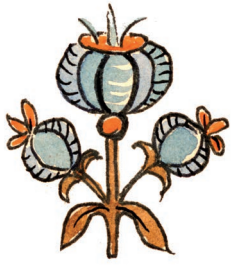
Слеза скупая показалась,
Дорожка мокрая осталась

На бледно-розовой щеке.
С помятой розою в руке,
В ночь на такси любовь умчалась,
Тоска унылая осталась.

Судьба, зачем мне эта встреча?
Кто души в городе калечит?
Куда исчезла прелесть-Дуня,
Моя любовь, моя колдунья?
Столица нежность поглотила,
Судьбу пороком извратила.

Вернусь туда, где бабы-дуры,
Кудахчут в огороде куры.
Там буду ждать мою колдунью,
Мою невинность, прелесть-Дуню,

2 раза: Там молочко течёт парное,
Там светит солнышко живое.



ЧАЙ С ПЕРЦЕМ

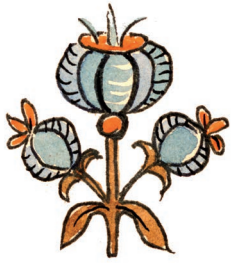
Как мы ели, как мы пили
У подружки нашей Мили,
Сноровистой и прилежной
И с улыбкой очень нежной,
Чуть застенчивой и грустной,
С небольшим, но юным бюстом
И с раскосыми глазами.
Ели-пили как у мамы.
Угощая чаем с перцем,
Завладела бедным сердцем.

Манит вешняя вода,
Смотрит юная звезда,
Где любовь, греха там нет,
Но мне снится красный свет.
Я в раздумьях, как же быть,
То ли с Милей мне дружить,
То ли Милю позабыть?

Не могу я поручиться,
Что я в силах не влюбиться,
В мыслях грешных я терзаюсь,
От соблазна не спасаюсь
И лечу к ней на обед,

Словно майский жук – на свет.
Забываю про жену,
Лаю ночью на луну,
Пятки бес мои щекочет,
До красавиц я охочий.

В сердце дрожь, в душе озноб, –
Получаю скалкой в лоб.
И теперь я за версту
Обхожу свою мечту.



ЖАННА

У Жанны Триски,
Крутой артистки,
Губ изумительный излом;
За Жанну Триски
Я пил бы виски
И пил бы горько-сладкий ром.

У Жанны Триски,
Авантюристки,
В глазах безбрежных глубина;
2 раза: У Жанны Триски
Повадки киски, –
Она свела меня с ума.

За Жанну Триски
Пойду на риск я,
Пошлю портрет в журнал «Плейбой».
У Жанны Триски
Такие сиськи! –
Не сладить мне с самим собой.

В честь Жанны Триски
Из общей миски
Пью плесневелую бурду;

2 раза: Ведь Жанна Триски
Не любит виски...
– Ах, не мелите ерунду.

В мечтах я с Триски
Надрался виски
И подарил ей лимузин;
Приснилась пьяной
Мне Триски Жанна, –
Жизнь коротаю
в тюрьме один.

Но сквозь охрану
Незримо Жанна
В концертном платье входит к нам.
2 раза: Поёт блестяще
Но не предавшим её браткам.

Судьба с изъяном...
– Откуда Жанна
Ты научилась шухарить?
Всё сверху видно,
Звезда бесстыдна, –
Всю ночь мы будем её любить.

Бледнеет небо...
С краюхой хлеба
Чифирь на завтрак дружно пьём;
2 раза: Прошу я, Жанна,
Приснись мне пьяной,
Тебя весёлой мы в гости ждём.

ВЫПЕНДРЁЖ

Была хорошая погода,
Стоял на море легкий бриз,
Со мною были два урода,
Один из них играл «на бис».

Жужжал, как шершень без умолку,
Как тот весенний ранний шмель.
2 раза: Другой кривлялся втихомолку, -
И танкер трепа сел на мель.

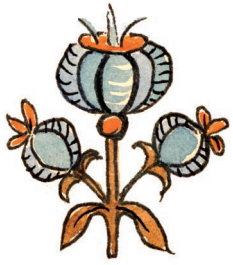
А ты от скуки вмиг притихла,
От невниманья сник твой бюст,
И красота твоя поникла,
Как от жары жасминный куст.
А ты от скуки вмиг притихла,
От невниманья сник твой бюст,

Мозги податливо тупились,
Зевотой мне кривило рот;
И тут оно вдруг приключилось:
Ты назвала меня «урод».

Я чуть не потерял рассудок,
Я понял: мне даёшь «отлуп».

2 раза: Ведь я без бабы много суток,
Как пень, от воздержанья – туп.

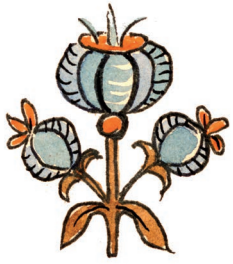
А все испортили уроды,
Устроив скучный выпендрёж,
3 раза: А ты была из той породы,
Кому ведь тоже невтерпёж.



БАЛЛАДА О ЖЕНСКОМ БЮСТЕ

Как вчера на пляже голом
Баловались мы футболом,
Но травмировал нам чувства
Фестиваль красивых бюстов;
Красота глаза слепила,
Покоряла и дразнила...
Дилетант я в этом деле, –
Ничего не знал доселе.
Видел там я бюст огромный,
Очень махонький и скромный;
И торчащий, очень страстный,
И желанный, и опасный,
А другой, что пёс ледащий,
Выполз нехотя из чащи;
До чего же он был белый –
Альбинос на тёмном теле.
Было много разных бюстов:
Молчаливых и орущих,
С ярко-красными сосками,
И с поющими губами.
Бюст-загадка, бюст-сомненье,
Вызов миру, откровенье...
Бюст-фантазия поэта,
Гимн разнузданному лету.

Шутки ради, для забавы
Бюст послал меня в нокаут...
Но все бюсты, вместе даже,
Появись они на пляже,
Не сравнятся с твоим бюстом,
Умным, ярким и чуть грустным.

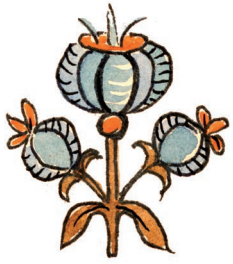


БАЛДЕЮ

N.N.

От тебя всегда урон,
От тебя трава желтеет,
Ты – вчерашний жуткий сон,
Нет тебя на свете злее;
Но спою я песнь иначе:
Ты – ушедший сладкий сон,
Ты – на свете всех милее,
Без тебя два пса заплачут,
Кошки дико верещат;
Если ты проходишь рядом,
Ты – космический разврат,
Ты – исчадье ада.
Как могла уйти к другому?!
Целомудрия разврат,
Смесь духов и яда,
В сердце от тебя истома;
Ты – морской девятый вал! –
Создал кто тебя такую,
Ту, кого всю жизнь искал –
Ведьму золотую?
Пред тобой благоговею:
Ты – моя живая кровь,
Ты – вселенская любовь,

Я тобой одной более.
Мой забытый юный сон,
От тебя всегда урон...
От тебя закат алеет, –
Но, тебя любя, жалею,
Да, жалею, я жалею.
От тебя, прости, балдею,
Да, балдею я, балдею.
От тебя, прости, балдею,
Да, балдею я, балдею.



ИСЧАДЬЕ АДА

Я для тебя исчадье ада,
Ты недовольна каждый раз;
Что надо мне – тебе не надо,
Тебе лишь надо «дашь-на-дашь».

А я легко иду по жизни,
Люблю своих братков-друзей,
2 раза: Я не люблю компот из вишни,
По горло сыт твоим «не пей».

Мне в кайф стаканчик под закуску,
В моем кармане вечно «шиш»;
Чаи гоняешь ты вприкуску,
Да на фига мне эта жизнь!?

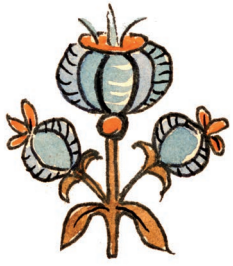
Ты в ящик пялишься без толку,
Читаешь на ночь ерунду,
2 раза: Мою любимую наколку
Увидеть хочешь лишь в гробу.

Ребята парятся на зоне,
И мне давно туда пора;
Я вам не фраер, я – в законе,
Мне дым по нраву от костра.

Чефира запах мне приятней,
Чем шлейф «занюханных» духов;
2 раза: Упасть боюсь я безвозвратно
В глазах моих друзей-братков.

Я для тебя исчадье ада,
А посему: «прости – прощай»;
Мне жить, как ты живешь, не надо, –
И больше ад не вспоминай.

Мне в кайф стаканчик под закуску,
В моем кармане вечно «шиш»;
Чаи гоняешь ты вприкуску,
Да на фига мне эта жизнь!?
Мне в кайф стаканчик под закуску,
Да на фига мне эта жизнь!



ЗВЕЗДА ШАНСОНА

Кате Волковой

В углу за столиком сидели два амбала
И пялили во всю на нас свои глаза;
А я с подружкою на сцене зажигала,
Я отпустила в этот вечер тормоза.

Мы юные, но мы талантливо-крутые,
И не страшны совсем нам происки попсы;
Ну, кто сказал, что песни мы поём простые?!
Ну, кто сказал, что мы «поющие трусы»?!

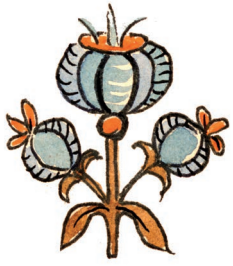
Припев:
Глаза блудливые, затылки бритые...
Нам в кабаке дым коромыслом нипочём;
А я красивая, а я открытая, –
А я весёлая, не лыком шитая,
Я на эстраду влезла напролом.

Крутыми тоже оказались два амбала, –
О них в России разве лишь глухой не знал:
Блондин поющий и известный зазывала,
Он для меня в тот вечер звёзды зажигал.

И нарекли меня всерьёз звездой шансона,
И поддержал меня богатый меценат;
Я для него теперь поющая корона,
Он для меня теперь почти молочный брат.

Спасибо, Коля! Макс, тебе мерси двойное!
И меценату тоже тысячу мерси;
Как важно мне, ребята, вам светить звездою,
Как круто быть звездой, известной на Руси!

Припев:
Глаза блудливые, затылки бритые...
Дым коромыслом в кабаке мне нипочём;
А я красивая, а я открытая, –
А я весёлая, не лыком шитая,
Я на эстраду влезла напролом.



КРОХА

Кате Волковой

Невинный взгляд, точёная фигура,
Немногим выше метра ростом –
Живой позор для всех ищеек МУРа,
Восторг братвы, мы скажем просто;
Малютка пить умела и курила,
И на гитаре лихо зажигала,
На деньги лохов круто разводила
На всем известных трёх вокзалах.

Братва считала деву талисманом,
С улыбкой шла она на дело.
В неё влюблялись лохи непрестанно,
Братва о Крохе песни пела.

Спляши нам, Кроха,
Ведь жизнь одна...
Столпились лохи, –
Эй, пей до дна!
В лихом канкане
Мельканье ног,
Держи карманы,
Заезжий лох!
Эй, Кроха-Кроха!

Ещё поддай,
Порадуй лоха,
Пусть ловит кайф!

Но так случилось, залетела Кроха,
Любовь всегда дружна с бедою;
Стукач из МУРа притворился лохом,
И оказалась Кроха под конвоем.

И тишина теперь на трёх вокзалах,
И скука всех нас одолела;
Малютка наша тянет срок на нарах,
Без Крохи как идти на дело?

Но время всё на свете изменяет,
Смывает то, что было плохо,
В Кремле теперь певица зажигает,
Звездой шансона стала Кроха.

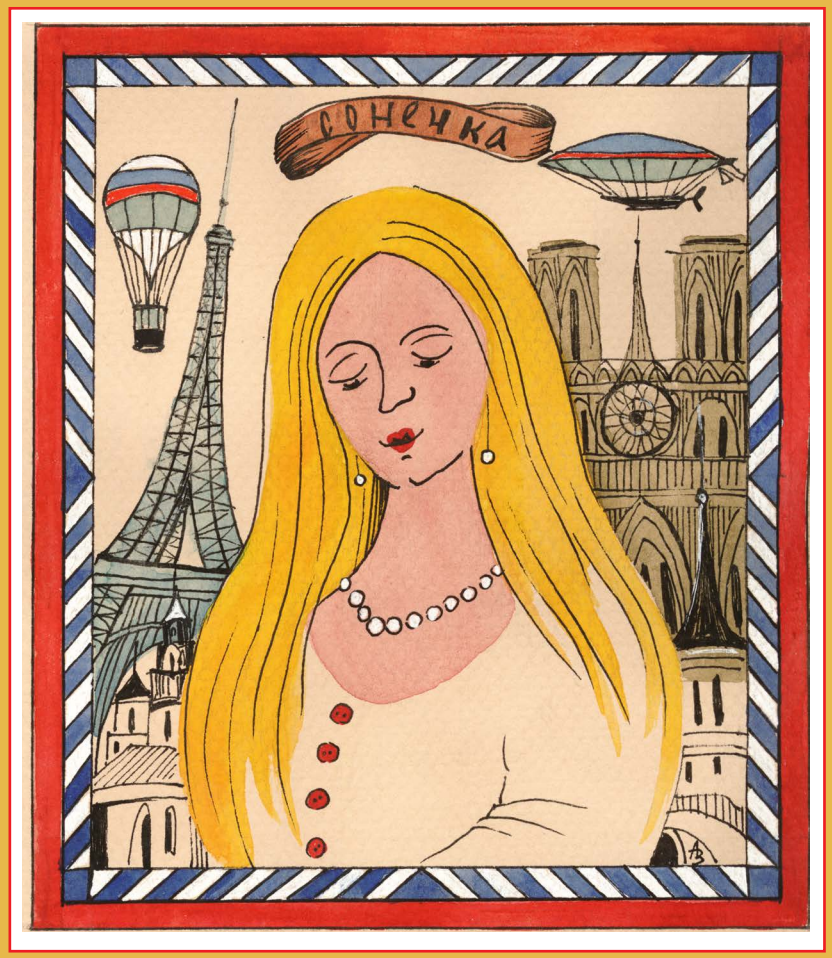
– Малютка, браво! –
Кричит премьер.
Бабло и слава
При ней теперь;
И с президентом
Она на «ты»,
Несут презенты,
Летят цветы;
Царица граций,
Толпы кумир,
Волна оваций,
У ног весь мир.
2 раза: Эй, браво, Кроха,
Ещё поддай!
Пусть ловят лохи
От песни кайф.

ПУСТИТЕ СОНЕЧКУ В ПАРИЖ

Какая Соня без «Парижу»? –
При муже собственном жена!
Любовь к Парижу дамой движет,
В Монмартр навеки влюблена
И грезит о его красотах,
Москва ей кажется болотом.
В Париж летит на всех парах
С кредитной карточкой в руках.

«Какая песня без баяна», –
Мурлычет Сонечка с утра,
Дымок голубенький кальяна,
В парижской шляпке три пера,
Сверх новомодная горжетка,
И перстень с бриллиантом редким
И муж с баблом, любимый муж,
Хотя не молод и не дюж.

О, Боже мой, как изменило,
Простую женщину бабло.
Всё, что любила, всё забыла,
И отчий дом, и всё село...
Что было раньше – не вернётся...
Что будет дальше – не поётся...



По вечерам играет в бридж,
Пустите Сонечку в Париж!

«Какая песня без баяна», –
Мурлычет Сонечка с утра,
Дымок голубенький кальяна,
В парижской шляпке три пера,
Сверх новомодная горжетка,
И перстень с изумрудом редким
И муж с баблом, любимый муж,
Хотя не молод и не дюж.

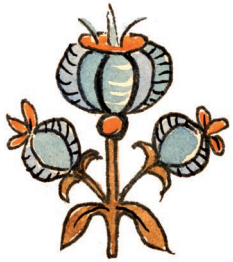
2 раза: Томится женщина, томится, –
Ей жизнь простая не годится
И от тоски играет в бридж, –
Пустите Сонечку в Париж!
Пустите Сонечку в Париж!

ТРЮФЕЛИ И ТРЮФЕЛЯ

Трюфели вчера едал, –
Очень дорого.
На салфетке написал:
«Гады, вороги...»
Беспардонно и взашей
Гнали клятые;
Я оставил гадам вшей,
Ресторатором;
Я богатым не чета, –
Морды чинные,
Оторвать бы всем места
Их, причинные;
Я не чувствую земли,
Небо кренится,
У пивнушки кобели
С сучкой женятся;
Трюфели иль трюфеля –
Морды рваные.
Как шатается земля!
Мы с ней пьяные.
Заедят врагов пусть вши,
Кто кобенится,
Письмецо мне напиши, –
Вдруг поженимся?

Я богатым не чета, –
Морды чинные.
Оторвать бы всем места
Их, причинные.

Я не чувствую земли,
Небо кренится.
У пивнушки кобели
С сучкой женятся;
Я богатым не чета, –
Морды чинные.
Оторвать бы всем места
Их, причинные.



ПИСЬМО С ЗОНЫ

Я ладонью пот холодный
Невзначай смахнул с чела, –
Доходягою голодным
Утром мама родила.

Я в родной сосок вцепился
Крепким, но беззубым ртом,
2 раза: Влаги жизненной напился
И забылся крепким сном.

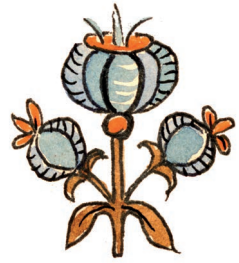
Появились вскоре зубы,
Тут же стал соски кусать;
Рос парнишечкой я грубым,
Не любила сына мать.

Я по улице мотался
С хулиганистой шпаной,
2 раза: Вскоре опыта набрался,
Стал мне бизнесом разбой.

Взяли кассу с корешами
Мы в Одессе белым днём,
Расквитались с «мусорами»,–
Тянем срок и воли ждём.

Я теперь опять беззубый,
Но с горячим сердцем я,
2 раза: Кореша мои мне любы,
Дорога сыра земля.

Я ладонью пот холодный,
Невзначай смахну с чела:
3 раза: Ах, зачем меня голодным
Утром мама родила?



ЛАКЕЙ

Шутить изволите, любезный, –
Лакею шутки не к лицу,
Но вид дурашливо-помпезный,
Вполне подходит подлецу.
Вчера пред князем лебезили,
Втоптать его, мечтая, в грязь.
2 раза: Хозяин ваш теперь не в силе,
Но по рожденью истый князь.

Сегодня смотрите надменно, –
С чего бы вам надменным быть?
Почуял нос ваш перемены
И от того такая прыть?
Пока людей вы удивляли
Лакейской пошлостью своей,
2 раза: Нежданно князя вдруг позвали
Служить у щедрых королей.

Шутить изволите, любезный, –
Лакею шутки не к лицу,
Но вид дурашливо-помпезный,
Вполне подходит подлецу;
Рождённый князем будет князем,
Лакей – всегда душой лакей.
2 раза: Тот, кто пролез из грязи в князи,
Не сменит сущности своей.

ХЕРСОНСКИЙ ФРАЕР

Мой дядя был не самых честных правил, –
Ушёл навек, позор семье оставил.
Неизвестный автор

Мой дядя был делягою отменным,
Как говорится, в шоколаде жил,
Но в жизнь пришли большие перемены,
Его судьбу нечистый погубил.

Хотя в пропахшем рыбою Херсоне
Был при делах больших и при деньгах,
2 раза: Барыгой вскоре дядя стал на зоне
И оказалась жизнь в чужих руках.

Но время шло, и дяде подфартило,
Его приметил лагерный «Бугор»,
Плеснул на счастье крепкого чифиря
И для работы дал увесистый топор.

Так стал мой дядя главным сучкорубом,
В обед селёдку жарил на костре,
2 раза: Увёртливым он сделался и грубым, –
Постиг науку зоны при «Бугре».

Но жадность дядю просто одолела,
Товарищей стал фраер обирать;
И потерял он голову за дело, –
Легко на зоне головы терять.

Херсонский вор лежит давно в могиле,
И на могиле нет ни палки, ни креста;
2 раза: Друзья барыгу к смерти присудили, –
Все стороной обходят смертные места.

Мораль сей притчи сразу не поймёшь, –
Херсонский фраер сгинул ни за грош;
Мораль сей притчи сразу ты поймёшь, –
Херсонский фраер сгинул, да!... за грош!

ГЕНЕРАЛ

Известной бабе дали генерала, –
Нет, не живого, дали генеральский чин.
Она в ментуре прослужила лет немало,
И отказать той бабе не было причин.

Как надоела всем нам эта стерва!
Как люто ненавидела её братва!
2 раза: Коляну Хмурому изгрызла напрочь нервы,
А с ним считалась вся лужковская Москва.

Звучат фанфары,
Звезда в бокале, –
Водяра льётся и вискарь!
2 раза: Обычай старый, –
В закрытом зале
Пирует новый генерал.

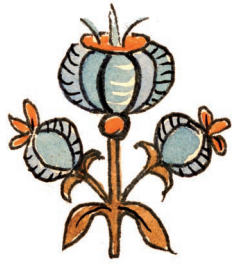
Легла в тот вечер козырная карта, –
И срезал сумку генеральскую Колян,
Ведь в деле воровском всегда есть доля фарта,
Погоны бабе, что глухой козе баян.

Ещё в той сумке баксы притомились, –
Мы в кабаке обмыли воровскую честь.
2 раза: Менты на всю Москву в тот вечер осрамились,
А справедливость всё же в этом мире есть.

Виват Коляну!
Звучат фанфары, –
Водяра льётся и вискарь!
За нас, за пьяных!
За месть и кару!
За то, что плачет генерал!

Проигрыш.

Виват Коляну!
Звучат фанфары, –
Водяра льётся и вискарь!
2 раза: За нас, за пьяных!
За месть и кару!
За то, что плачет ментовский генерал!



РОДИНА

Могу себе позволить я казаться глупым,
И несерьёзным не боюсь прослыть;
Сумел избавиться от мишуры-скорлупы,
Мне очень нравится свободным быть.

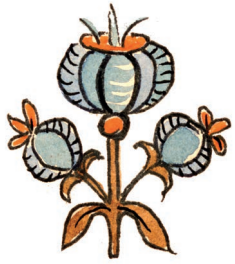
Мне дела нет до существующей морали,
С моралью мне поступки не сверять;
Ведь всё на свете моралисты обмарали, –
И продолжают дальше всё марать.

Припев:
Пойдите прочь, радетели морали, –
Любой из вас корыстный фарисей;
Вы до печёнок всех уже достали, –
Вы – грязь на теле Родины моей.

Что значит Родина? Мой дом, моя деревня,
Отец и мать, соседи и родня...
Обычаи, что перешли от предков древних, –
Иное всё не трогает меня.

Я не люблю, не разделяю, не приемлю,
Не верю, не служу, не уступлю.
Негромко, сердцем я люблю свою деревню,
А это значит, Родину люблю.

Припев:
Пойдите прочь, радетели морали, –
Любой из вас корыстный фарисей;
Вы до печёнок всех уже достали, –
Вы – грязь на теле Родины моей.



Я К ТЕБЕ ПРИЕДУ

Я к тебе приеду
В пятницу иль в среду,
С замираньем сердца встану у окна;
2 раза: Тишина взорвётся,
В темноте метнётся
От кровати к сеням белая луна.

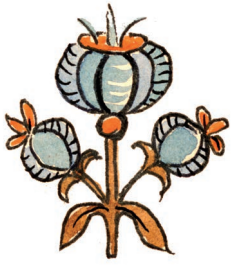
Свет зажжётся в доме
И в дверном проёме
Я лицо увижу в пламени свечи;
Прошлое вернётся,
Мир перевернётся,
В небе выйдет солнце посреди ночи.

Я к тебе приеду
В пятницу иль в среду,
Или в понедельник, разве важен день?
2 раза: Тишина взорвётся,
Кошкою метнётся
От кровати к сеням неземная тень.

Сколько раз казалось,
Сколько раз мечталось, –
В небе заполярном затаилась грусть;
Верю, не забыла
И не разлюбила, –
Знаю, непременно я к тебе вернусь.

Проигрыш.

Верю, не забыла
И не разлюбила, –
Знаю, непременно я к тебе вернусь. (2 раза)



СЕЛО

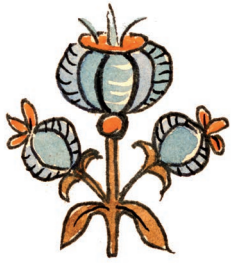
Село стояло как село
Среди долины живописной,
Неспешно времечко текло,
Весной цвели обильно вишни;
Рутинно-сельские дела...
Нечасто к нам являлись гости,
Чуть в отдаленье от села
Чернел печальный лик погоста;
Событий вечных череда –
Рожденье, свадьба, отпеванье.
В душе ребячьей навсегда
Осталось звёздное сиянье;
Мечта меня в моря звала, –
Шторма судьбы несли ветрила,
Я в мыслях рвался из села, –
Как неизведанность манила!

Теперь я рвусь назад в село
И вспоминаю то, что было;
Воды так много утекло,
И время много жизней смыло,
Другие люди, я другой,
Течёт река моя неспешно,
Остался там, в судьбе морской,

Мальчишка, живший в мире грешном;
«Звучат с Небес колокола...», –
Родные сердцу вижу лица.
Храм Божий на краю села
Взлетает в небо белой птицей.

2 раза: Тот чистый колокольный звон,
Иконостас и свет икон, –
В Москве мне сон ночами снится.

Тот чистый колокольный звон,
Иконостас и свет икон.



КОРОМЫСЛО – ДВА ВЕДРА

Месяц в речке воду пьёт,
Звёзды водят хоровод –
Песня величальная.
К речке шествуют с утра
Коромысло, два ведра –
Русь патриархальная.

Бледно-розовый туман,
Горько-сладостный дурман,
Трели соловьиные.
Лодка по небу плывёт,
Тучка в озере живёт –
Времена былинные.

Счёт годам ведёт кукушка,
На кувшинке спит лягушка,
Притаилась в небе грусть.
Два ведра на коромысле.
Просыпаюсь вдруг от мысли:
«И во сне со мной ты, Русь!»

Захалявные частушки

* * *

Какие нынче времена! –
Ну, просто обхохочешься.
Старик Кузьмич сошёл с ума, –
За девками волочится.

* * *

Горит и мечется в огне
Средь ночи баба голая,
Кузьмич приснился ей во сне,
Нагайкой бьёт бедовую.

* * *

Если жёнушку муж бьёт,
Значит, любит сильно.
Если мужа жёнка бьёт,
Это – очень стильно.
С Марьей счастлив наш Илья, –
Очень стильная семья.

* * *

Если нет в тарелке перца,
В рот не лезет пресный борщ,
А без мата как без сердца,
Не споёшь, ядрёна вошь;
Эхма! Верь – не верь, –
В сад любви открыта дверь!

* * *

Половодье буйных чувств –
Море разливанное,
А всему виной твой бюст,
Стерва окаянная.

* * *

Как пружина сжаты нервы,
Слово скажешь, и – взорвусь.
Бабы стервы, все вы стервы, –
Я люблю вас и ...боюсь.

* * *

На заборе у дороги
Каркает ворона.
Не жалей, Матрёна, ноги –
Не спадёт корона!
Эхма, ядрёна мать, –
Научи меня плясать!

* * *

За окном на старой ели
Каркает ворона.
Распласталась на постели
Голая Матрёна.
Счастья нет с постылым мужем,
Белобрысым и не дюжим

* * *

В воскресенье в тёмный ельник
К милому ходила,
На заборе в понедельник
Валенки сушила;
Три притопа – два прихлопа,
Накололи иглы попу.

* * *

Платье лёгкое из ситца
Чуть касается колен,
Страсть из чёрных глаз струится,
Забирает сердце в плен;
Отпускает без гроша,
Но зато как хороша!

* * *

Ты – змея, змея гремучая,
Но зато моя змея;
В жёны взял тебя по случаю,
Сам не знаю почему?

* * *

Не ищи в частушке грязи,
Грязи только нет в раю.
Не цари мы и не князи, –
По-другому я спою.

* * *

Ты – змея, змея гремучая,
Ядовитей нет змеи.
В жёны взял тебя по случаю,
Умираю от любви.

* * *

Как любви я не просила,
А в ответ он ни «гу-гу»!
В чай виагру положила,
Всё равно он не в дугу.
Отчего ему так грустно?
Иль виагрочка не вкусна?

* * *

На окне зимой цветы,
То – герань пахучая! –
Манишь, манишь меня ты,
Словно мёд – липучая.

* * *

На окне герань зимой,
Ох, и тошно мне с тобой.
Целовала б я Петра
И с вечёра, и с утра.

* * *

Гармонист! Эх, гармонист,
Прехорошенький такой!
Говорят, душой он чист,
Но с изнанки – чёрт лихой.

* * *

Гармонист, мой гармонист –
Остронос и неказист.
Но люблю его такого,
Заводного, удалого.

* * *

Хмель в бутылях долго зреет...
Рифмы копит дед Матвеев
За халявой в сапогах,
В прибаутках и стихах.
Эхма, верь – не верь
Всяк поэт – опасный зверь.

* * *

За халявой-голенищем –
Ложечки кленовые.
Эх, сапожки, сапожища, –
Стоптаны бедовые.
Милый мой – крутой ложкарь,
От игры бросает в жар.

* * *

Не глазейте, парни, даром,
Не готовьте поводок;
Я теперь дружу с Макаром,
Растревожил он ... чуток;
Одного его целую,
Дуру, где найдёт такую!?

* * *

Где любовь, там нет разврата,
Не ищи в частушке мат.
От заката до заката
В небе чистом – звездопад.

* * *

Не глазейте, парни, даром,
Не набросите узду, –
Каждый вечер я с Макаром
Улетаю на звезду.
Коротаем ночь без сна,
Я Макарушке верна.

* * *

Разорвалось ожерелье,
Покатились жемчуга.
А потом пришло похмелье,
И посыпались снега.

* * *

На заборе стыло слово,
Слово – одинокое.
Мне с тобою очень клёво,
Стерва синеокая.

* * *

Смущена вниманьем Оля, –
Прячет страсть свою в глазах;
Отпусти её на волю, –
Соловьи поют в садах.
Ты, возможно, мне поверишь, –
Хрен лопатой не измеришь.

* * *

Оля имечко сменила
И Марусей назвалась.
В Интернете сайт купила,
Интернет ей нынче всласть;
Ты, конечно, не поверишь,
Что лопатой хрен измеришь.

* * *

Семинары и зачёты, –
На желаниях замок;
Мне учиться неохота,
Мне учение не впрок.
Может, ты теперь поверишь? –
Что лопатой хрен измеришь.

* * *

Безопасней нет на свете
Страсти секса в Интернете;
Погуляла Оля всласть,
Виртуально отдалась,
Не поверишь ты, конечно,
Что в любви она безгрешна.

* * *

На костре варились раки...
Целовалась я умело
С самым милым вурдалаком,
Но когда дошло до дела,
Сила милого сгорела.

* * *

Всколыхнулись в сердце чувства,
Опалило жаром кровь;
А в душе у парня пусто, –
На хрена козе любовь?

* * *

Не ругайся, Оля, всуе, –
Гнёт деревья ветер, дуя,
А затем, теряя силу,
Незаметно станет милым.

* * *

Всколыхнулись в сердце чувства,
Рвётся с привязи козёл,
Жить козлу без воли грустно, –
От натуги гнётся кол.
Отпусти козла на волю,
Пожалей зверюгу, Оля!

* * *

Не учите, не учите, –
Я и так учёная.
Полюбите, полюбите
Кралю забубённую.

* * *

Растревожил ночью сердце
Полный страсти поцелуй;
Мне любовь открыла дверцы
Улетела птичка в рай.
Ладушки, ладушки,
Ели мы оладушки.

* * *

Обожаю азиаток
От макушек и до пяток.
Ведом им любви секрет,
И суровости в них нет.

* * *

Мужики сегодня слабы, –
В каждом третьем слове мат.
Власть берите в руки, бабы,
И вперёд, в матриархат.
Ладушки, ладушки,
Вот они – оладушки.

* * *

Растревожил ночью сердце
Полный страсти поцелуй.
Для любви открыты дверцы;
Отпусти и не ревнуй.
Ладушки, ладушки,
Сладкие оладушки.

* * *

Распустила ива косы,
Оголилась у пруда;
Отдала себя матросу, –
Страсть не ведает стыда.
Ладушки, ладушки,
Горькие оладушки.

* * *

Месяц ясный, месяц рыжий
Вышел ночью погулять.
Парень страстный и бесстыжий
Стал при всех меня ломать.
Ладушки, ладушки,
Пухлые оладушки.

* * *

Нет подвоха в чистом слове,
Грязи в песне не найти;
Я спою частушку снова, –
Воду в речке не мути.
Ладушки, ладушки,
Чистые оладушки.

* * *

Месяц ясный, месяц рыжий
Вышел ночью погулять.
Парень страстный и бесстыжий,
Стал без спросу целовать.
Ладушки, ладушки,
С перчиком оладушки.

* * *

Мчится поезд, поезд мчится,
За окном горит звезда;
Потеряла честь девица
И сгорела со стыда.
Ладушки, ладушки,
Свежие оладушки.

* * *

Воет подлая собака,
Воет ночью на луну;
Эх, Матрёнушка, Матрёна! –
Я без сказки не усну.
Ладушки, ладушки,
Милые оладушки.

* * *

По селу гуляет чушь –
Сплетня кривобокая.
У тебя ведь дома – муж,
Стерва синеокая.

* * *

Я страдала, я страдала!
И страдать уже устала.
Буду нынче пить-гулять,
Олигархов завлекать.

* * *

Пусть в частушке рифмы нету,
Потаённая в ней мысль!
Чувства есть – не надо света;
С милым я взлетаю ввысь.
Ладушки, ладушки,
Жаркие оладушки.

* * *

Глаза дивны, с поволокой,
Гибче Наты лишь газель;
Как артистка, вертит попой,
Что тут скажешь – поп-модель!

* * *

Как страдала, я страдала! –
Женихов хороших мало;
Есть один, но косоват
И гроза для слабых баб!

* * *

Нет скромнее нашей Мани, –
Взор потупит и молчит;
Выйдет Маня после бани,
Взвод солдат как штык стоит. –

* * *

Блонда строгая Наташа,
И с походкой от бедра;
«Да» не скажет, «нет» не скажет,
Что-то делать мне пора:
То ли с радости жениться?
То ль с отчаянья напиться?

* * *

С бюстом номером четвёртым
Оля всех с ума сведёт;
Ведь за девой даже мёртвый
Встанет и за ней пойдёт.
Эхма, родная мать,
Как бы с Олей погулять?!

* * *

Ох, и шустрая же Оля,
Невозможно с ней уснуть;
Днём морозным среди поля
Жарко с Олей, прямо жуть!
Зарываемся в сугроб
И целуемся взахлёб.

* * *

Мне мечта платочком машет,
В затуманенной дали,
Но тургеневская Маша
Намекает: «Отвали!».
Угораздило влюбиться
В неприступную девицу.

* * *

Коля Шершень – композитор,
На селе такой один,
Хоть голодный и не бритый,
Сам себе он господин.
Эхма, ядрёна вошь,
Сытым песню не споёшь.

* * *

«Коля, Коленька, Мыкола...», –
Кличет бабушка внучка.
А детине лет под сорок,
Не женат балбес пока.
Вся семья – облезлый кот,
Но зато кот пиво пьёт.

* * *

Говорят, что Шершень Коля
Скоро женится на Оле.
Ездил в город на «козле»,
Свадьбу сбацают в селе.
Эхма, клубится пыль,
Разговелся наш бобыль.

* * *

– Женишок-то никудышен,
Ростом Коленька не вышел.
– Но зато как запоёт,
Всяк покойничек встаёт.
Эхма, кутерьма,
Кто с умом, кто без ума!

* * *

Мал да дорог золотник, –
Коля Шершень невелик!
Но таких девчонки любят,
Говорливых, белозубых...
Эхма, ядрёна вошь,
Песней сердце не тревожь!

* * *

На селе судачат бабы,
Коля женится на рябой,
Хоть красивой, но нездешней,
По утрам поёт ей песни.
Слухи – небыль или быль?
Мужиком стал наш бобыль!

* * *

Мне завидуют девчата,
Что влюбилась в гитариста...
Лает ночью пёс лохматый,
Стены в щелях, ветер свищет...
До чего с ним весело! –
Обхохочется село.

* * *

Губы яркие сердечком,
Брови тонкие вразлёт,
Ходит смирною овечкой,
Громче всех зато поёт.
От винта всем, от винта!
Ай да Стаська Лясота![*]

* * *

Как певица запоёт,
Прямо оторопь берёт:
На концерте уши глохнут
За окном собаки дохнут.
От винта всем, от винта!
Ай да Стаська Лясота!

* * *

Крики слышит: «Браво! Браво!», –
Жизнь певицы хороша.
Каждый вечер рядом слава,
Только денег не шиша.
От винта всем, от винта,
Славу любит Лясота.

* Станислава Лясóта – композитор и певица.

* * *

С фигой ласковой в кармане,
В бирюзовом сарафане,
Вышла дева петь на сцену,
То ль в Долочье[*], то ли в Вене...
И кричит всем «От винта!»,
Ай да Стаська Лясота!

* * *

Мы пропели вам частушки–
Семечки калёные;
Парень рыжий, три подружки
В молодца влюблённые.

* * *

Мы пропели вам частушки –
Рыжики солёные.
Озорные три подружки –
Девки забубённые.

* * *

Если сердце точит горе,
Если в небе чистом гром,
Если плещет радость-море,
Мы частушки вам споём
Под гармошку, под баян, –
Вот в чём силища славян!

* Долочье – маленькое украинское село в Хмельницкой области.